

¹⁵³ См.: Письма о России в Испанию... Кн. III. С. 53; Сб. РИО. Т. 75. С. 504. Примечательно, что не упоминавший специально о гвардейском выступлении Лефорт, как и де Лириа, подчеркивал присутствие офицеров гвардии и переполичение Анной караула С.А.Салтыкову (см.: Сб. РИО. Т. 5. С. 366-368; Письма о России в Испанию... Кн. III. С. 55).

¹⁵⁴ С этим согласен Г.А.Протасов (см.: *Протасов Г.А.* Дворянские прошения 1730 г. С. 98).

¹⁵⁵ См.: *Корсаков Д.А.* Указ. соч. Приложение № 2. С. 252-263.

¹⁵⁶ Из подписавших первое прошение гвардейцев, по-видимому, не явились преображенские капитан С.Кишкин, поручик В.Бибииков и подпоручик Ф.Ушаков, а также семеновский майор С.А.Шепелев и капитан А.Усов. Во всяком случае, второе прошение они не подписывали.

¹⁵⁷ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 219. Л. 159.

¹⁵⁸ Сб. РИО. Т. 5. С. 367; Т. 66. С. 153, 168. По сведениям де Лириа, именно Салтыков провозгласил императрицу самодержавной (см.: Письма о России в Испанию... Кн. III. С. 53).

¹⁵⁹ См.: *Бобрковский П.О.* История лейб-гвардии Преображенского полка. СПб., 1904. Т. 2. Приложение. С. 172.

¹⁶⁰ Позднее Остерман в специальной записке о пожалованиях отличившимся счел необходимым выделить Г.П.Чернышева, который «особливо радетьным показал» (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. № 225. Л. 1).

¹⁶¹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 449. Ч. 1. Л. 1 об., 12 об., 128.

¹⁶² См.: Там же. Ф. 248. Оп. 32. № 1998. Л. 66.

¹⁶³ См.: Там же. Ф. 3. Оп. 1. № 5. Л. 65 об., 66, 68.

¹⁶⁴ См.: Там же. № 7. Л. 1-76.

¹⁶⁵ См.: ПСЗ. Т. VIII. № 5509, 5517; Т. X. № 7158.

¹⁶⁶ Исполнять этот указ должен был Г.Д.Юсупов (см.: О роде князей Юсуповых. СПб., 1867. Ч. 2. С. 210-211). См. также: РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. № 152. Л. 1; Письма о России в Испанию... Кн. III. С. 58.

¹⁶⁷ См.: Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. Т. 2. С. 220; РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. № 1084. Л. 10; Гофмейстерины, статс-дамы и фрейлины русского двора XVIII и XIX вв. С. 2.

¹⁶⁸ См.: Письма о России в Испанию... Кн. III. С. 63.

¹⁶⁹ Цит. по: *Корсакова В.Д.* Дипломатические депеши датского посланника при русском дворе Вестфалена о воцарении императрицы Анны Иоанновны // РС. 1909. № 3. С. 552.

¹⁷⁰ См.: АВПРИ. Ф. 13. Оп. 13/1. № 4. Л. 3-5.

¹⁷¹ См.: Там же. Л. 9-10, 12-13, 20-21.

¹⁷² См.: *Корсакова В.Д.* Дипломатические депеши датского посланника при русском дворе Вестфалена о воцарении императрицы Анны Иоанновны // РС. 1909. № 3. С. 549; *Кудрявцев А.* Книга записная имянным письмам и указам императрицы Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны С.А.Салтыкову // ЧОИДР. 1878. Кн. 1. С. 2.

¹⁷³ См.: Высочайшие повеления по придворному ведомству (1701-1740). СПб., 1888. С. 99; Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. Т. 2. С. 224, 232; РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 86. № 41985. Л. 37 об.

¹⁷⁴ См.: *Индова Е.И.* Дворцовое хозяйство в России (первая половина XVIII в.). М., 1964. С. 59.

¹⁷⁵ О раздачах вотчин, домов и дворов Долгоруковых см.: Сб. РИО. Т. 106. С. 364, 367, 446, 530; РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. № 35237. Л. 4-8.

¹⁷⁶ Цит. по: *Михневич В.О.* Две невесты Петра II // ИВ. 1898. № 2. С. 597.

¹⁷⁷ См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. № 1084. Л. 27-113.

¹⁷⁸ См.: Там же. Ф. 20. Оп. 1. № 61. Л. 15-26, 40-44, 119-120.

¹⁷⁹ См.: РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 90. № 45502. Л. 6 об.; РГВИА Ф. 2583. Оп. 1. № 154. Л. 22; Ф. 2584. Оп. 1. № 82. Л. 11-400.

¹⁸⁰ См.: РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 65. № 30693. Л. 98-100.

¹⁸¹ См.: *Kivelson V.* Op. cit. P. 21-22.

¹⁸² См.: *Корсаков Д.А.* Указ. соч. Приложение № 2. С. 62. Ср.: РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. № 163. Л. 4.

ГЛАВА VI

БИРОНОВЩИНА, ИЛИ «ПОРЯДОЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ»

Хотя трепетал весь двор, хотя не было ни единого вельможи, который бы от злобы Бирона не ждал себе несчастья, но народ был порядочно управляем. Не был отягощен налогами, законы издавались ясны, а исполнялись в точности...

М.М.Щербатов

Становление новой власти

Аннинский режим получил у потомков имя «бироновщины» и нелестную оценку времени «немецкого засилья», утвердившуюся в науке примерно с середины XIX в. не без помощи исторической беллетристики.¹ Это влияние оказалось весьма прочным, хотя изучавшие времена Анны историки начиная еще с 70-х гг. XIX века указывали, что созданный поэтами и романистами образ эпохи не соответствует действительности, что управляли государственными делами совсем не «немцы», которые к тому же не представляли какой-то сплоченной «немецкой партии», и т.д.² Тем не менее до сих пор в научных трудах и учебниках можно встретить все те же утверждения о «засилье иноземцев» и кровавом терроре.³

В нашу задачу не входит участие в этом споре; хотя изучение роли и создание научных биографий таких фигур, как Б.-Х.Миних или А.И.Остерман, является вполне назревшей проблемой при изучении российской истории XVIII столетия. Нас интересует прежде всего сам процесс создания при Анне Иоанновне относительно устойчивой политической структуры после серии переворотов 1725–1730 гг.⁴

«Восстановление» Сената стало определенным компромиссом между новой императрицей и ее ближайшего окружения и генералитетом. В Сенат вместе с бывшими членами Верховного Тайного совета вошли прежние сенаторы (В.Я.Новосильцев, И.Г.Головкин, А.М.Черкасский) и группа генералов – Г.П.Чернышев, Г.Д.Юсупов, А.И.Ушаков, А.И.Шаховской, С.И.Сукин, А.И.Тараканов, И.Ф.Барятинский, Г.А.Урусов. Последние, очевидно, были обязаны назначением Остерману. Сохранился его док-

лад императрице, где министр советовал Анне повесить названных лиц в чине за «особливую службу» даже и не по старшинству,⁵ и это — несмотря на то, что многие из них допускали установление ограниченной монархии. Но императрица и ее советники ничем не рисковали.

Во-первых, Анна «не заметила» содержащуюся в поданной ей 25 февраля 1730 г. челобитной просьбу о выборе сенаторов шляхетством: все они были назначены ее указом. Без всякого внимания остался и проект Феофана Прокоповича о созыве «великого собрания всех главных чинов» не только для суда над «верховниками», но и для «лучшего о том рассуждения и учреждения и других нужд».⁶

Во-вторых, Сенат и при Петре I никогда не был органом верховной власти, а скорее — огромной, заваленной текущей работой канцелярией. Новый многочисленный и «разнопартийный» Сенат, где большинство составляли к тому же вчерашние «соавторы» ограничивавших самодержавие проектов, в первоначальном составе просуществовал недолго.

В том же году четыре сенатора умерли (Г.Д.Юсупов, И.И.Дмитриев-Мамонов, М.М.Голицын-старший и И.Ф.Ромодановский): волнения и споры не прошли даром для представителей российской элиты. Затем последовали назначения в Кабинет (Г.И.Головкин, А.М.Черкасский и А.И.Остерман), в армию (А.И.Тараканов, И.Ф.Барятинский), за границу (П.И.Ягужинский), на губернаторство (Г.П.Чернышев). В итоге только что образованный Сенат уже к 1731 г. уменьшился до 12 человек; к моменту отъезда в Петербург он был разделен на две половины — петербургскую и московскую, которая называлась с 1733 г. Сенатской конторой и работала под командой верного С.А.Салтыкова.

А.И.Шаховской отправился на армейскую службу; А.И.Ушаков стал начальником Тайной канцелярии, С.И.Сукин — губернатором, М.Г.Головкин возглавил Монетную контору, а В.Я.Новосильцев стал членом Военной коллегии и директором Кригс-комиссариата. Сенат пришлось несколько раз пополнять: в 1733 г. туда вошли А.Л.Нарышкин и П.П.Шифиров; в 1736 г. — Б.Г.Юсупов; в 1739 г. — П.И.Мусин-Пушкин; в 1740 г. — М.И.Леонтьев, М.С.Хрущов, И.И.Бахметев, М.И.Философов, П.М.Шипов и А.И.Румянцев.⁷

Текущая структура и периодические опалы подозрительных (Долгоруковых, Д.М.Голицына, П.И.Мусина-Пушкина) исключали возможность сделать Сенат органом оппозиции. Ограничивалась и его компетенция: в 1734 г. Сенату было запрещено производить в «ассессорский» VIII класс без высочайшей конфирмации, за нерадивость сенаторам делали выговоры и даже запрещали выплачивать жалование до получения его прежде военными и моряками.⁸ К тому же с 1731 г. Сенат был поставлен под контроль нового высшего государственного органа — Кабинета. Подчиненное положение Сената вызвало к концу правления Анны даже появление проекта его уничтожения — точнее превращения в большую «Штац-коллегию», которая должна была ведать преимущественно финансовыми вопросами; руководство же тремя «первейшими» коллегиями, Тайной канцелярией, Дворцовым ведомством, Синодом, Соляной конторой, Канцелярией от строений и полицией официально передавалось Кабинету.⁹

Слухи о появлении совета ближайших к императрице лиц, или Кабинета, появились уже весной 1730 г.; на деле его формирование растянулось на полтора года. Новый орган должен был взять на себя многие функции бывшего Верховного Тайного совета, но при этом не иметь никаких поповлений подменить собой монарха. К тому же желавших занять почетные места было больше, чем требовалось: в 1730—1732 гг. депеши иностранных посланников и резидентов полны сообщений о возникновении и распаде различных «партий» при дворе.¹⁰

В итоге в ноябре 1731 г. Кабинет был создан. В него вошел престарелый канцлер Г.И.Головкин, олицетворявший преемственность с эпохой Петра Великого, но никогда не претендовавший на самостоятельную роль. Вторым стал князь А.М.Черкасский, «человек доброй, да не смелой, особливо в судебных и земских делах», по характеристике генерала В. де Генина, хорошо знавшего бывшего сибирского губернатора по совместной работе. Знатный вельможа, хозяин огромных владений и родового двора в Кремле, канцлер и андреевский кавалер Черкасский отныне ни в каких политических «партиях» замечен не был. Эти качества обеспечили князю как формальному главе правительства завидное политическое долголетие: он благополучно пережил царствование Анны, два последующих переворота и скончался в почете уже во времена Елизаветы.¹¹

«Душой» же Кабинета и министром иностранных дел стал Остерман. Над его «дипломатическими» болезнями смеялись, его не любили — но обойтись без высококвалифицированного администратора, умевшего грамотно проанализировать и изложить суть проблемы и предложить пути ее решения, не могли. Но для «противовеса» Остерману после смерти Головкина в состав Кабинета последовательно вводились его оппоненты из числа русской знати: сначала возвращенный из почетной ссылки Ягужинский (1735 г.), затем деятельный и честолюбивый А.П.Волынский (1738 г.) и, наконец, будущий канцлер А.П.Бестужев-Рюмин (1740 г.).

Такая комбинация обеспечивала работоспособность и устойчивость нового органа, хотя «запланированные» конфликты между его членами порой вызывали проблемы. Так, в 1739 г. разногласия Волынского и Остермана буквально по всем обсуждавшимся вопросам привели к тому, что осторожный вице-канцлер даже в присутствии не являлся и объяснялся с коллегами письменно.¹² К тому же права Кабинета никак не были оговорены до 1735 г., когда он получил право издавать указы за подписями всех трех кабинет-министров, заменившими императорскую.

Существовало еще одно важное отличие от бывшего Верховного Тайного совета: сфера основной компетенции Кабинета ограничивалась преимущественно внутренними делами. Изданные журналы Кабинета за 10 лет поражают разнообразием проходивших через него дел. Наряду с принятием важнейших политических решений (о вводе русских войск в Польшу, строительстве флота или проведении рекрутских наборов) министры разрешали постричься в монахи однодворцу из г. Новосила Алексею Леонтьеву, обсуждали челобитную украинского казака Троцкого о передаче ему имения тестя, лично рассматривали план и фасад каменного «питейного дома» в столице или образцы армейских пистолетов и кирас.

Изучение этого «течения административной жизни» показывает, что в первые годы работы Кабинета через него шло подавляющее количество всевозможных назначений, перемещений и отставок. При этом даже только что поспевшие в службу «недоросли» представляли перед министрами, а императрица утверждала своей подписью назначения секретарей в конторах и канцеляриях. Огромное количество времени (порой министры, по журналу, заседали «с утра до ночи») отнимало решение всевозможных вопросов финансового управления: проверка счетов, отпуск средств на те или иные нужды, вплоть до рассмотрения просьб о выдаче жалования.

Позднее на первый план выдвинулись вопросы организации и снабжения армии в условиях беспрерывных военных действий 1733—1739 гг.¹³ Кроме того, на протяжении всего времени существования Кабинета через него проходило множество сугубо административно-полицейских распоряжений: о «приискании удобных мест для погребения умерших», распределении сенных покосов под Петербургом, разрешении спорных судебных дел и рассмотрении бесконечных челобитных о повышении в чине, отставке, снятии штрафа и т.д.¹⁴ Право принятия важнейших внешнеполитических решений, а отчасти даже и повседневные контакты с иностранными дипломатами перешли в придворный круг к ближайшим советникам императрицы — К.-Г.Левенвольде и Бирону.

Двор стал еще одним важнейшим элементом новой структуры власти. Эта тенденция наметилась уже в предшествовавшие царствования, но при Анне стала особенно заметной: только штатных придворных чинов имелось 142, да еще 35 «за комплектом»; всего же вместе со «служителями» — прачками, лакеями и проч. — при дворе состояло 625 человек.¹⁵

По приказу императрицы было составлено «клятвенное обещание дворцовых служителей», согласно которому придворная челядь (лакеи, «арапы», истопники и даже неопределенных занятий «бабы») обязывалась свою службу «со всякой молчаливостью тайно содержать» и «тщательно доносить» обо всех подозрительных вещах.¹⁶ Место сосланных Долгоруковых заняли назначенный обер-гофмейстером С.А.Салтыков, обер-гофмаршал Рейнгольд Левенвольде; обер-шталмейстером стал сначала П.И.Ягужинский, а затем брат обер-гофмаршала — Карл-Густав Левенвольде.

Для обер-гофмейстера и обер-гофмаршала были составлены в 1730 г. специальные инструкции. В частности, в ведение обер-гофмейстера перешли охрана и эксплуатация императорских дворцов, назначение аудиенций у государыни и суд над дворцовыми «служителями». Обер-гофмаршал обеспечивал повседневный «стол» и ведал заготовками и закупками. Только эти высшие дворцовые чины имели право передавать словесные повеления императрицы. В ноябре 1730 г. были отправлены в отставку обер-гофмейстер М.Д.Олсуфьев и весь штат Дворцовой канцелярии во главе с ее начальником А.Н.Елагиным (оба они участвовали в шляхетских проектах). В числе новых «командиров» был отличившийся в деле восстановления самодержавия 25 февраля 1730 г. капитан гвардии А.Раевский.¹⁷

Повышение роли и престижа дворцовой службы отражалось в изменении чиновного статуса придворных. При Петре I камергер был приравнен к полковнику, а камер-юнкер — к капитану. При Анне ранг этих

придворных должностей был повышен соответственно до генерал-майора и полковника, а высшие чины двора из IV класса перешли во II. Эту же тенденцию продолжало и сменившее эпоху «немецкого засилья» «национальное» правление Елизаветы: при ней камер-юнкеры были приравнены к бригадирам.¹⁸ В послепетровскую эпоху именно придворный круг становится «трамплином» для будущей карьеры таких деятелей, как Б.Г.Юсупов, М.Г.Головкин, Н.Ю.Трубецкой, М.Н.Волконский, П.С.Салтыков при Петре II и Анне; братья Шуваловы, Н.И.Панин, З.Г.Чернышев при Елизавете: все они начинали службу в качестве камер-юнкеров и камергеров.¹⁹

Особый по значению и приближенности к особе императрицы пост обер-камергера вслед за Меншиковым и Иваном Долгоруковым занял Эрнст Иоганн Бирон, чье имя стало символом правления Анны. Граф Священной Римской империи, кавалер орденов Андрея Первозванного, Александра Невского и Белого Орла, владелица обширных имений (ему принадлежали город Венден в Лифляндии и бывшие владения Меншикова в Пруссии), герцог Курляндский и, наконец, официальный регент Российской империи — таков итог карьеры этого человека к концу царствования Анны. В нашу задачу не входит изложение его биографии и деятельности. Но необходимо подчеркнуть важную особенность, позволившую мелкому курляндскому дворянину стать вторым по значению лицом в империи.

Несомненно, что Бирон был обязан своим возвышением личной привязанности к нему императрицы, хорошо помнившей, как ее встретили в России. В 1734 г., оправившись от очередной болезни, она призналась, что фаворит — «единственный человек, которому она может довериться». Но вместе с тем сила Бирона состояла в том, что он стал первым в нашей политической истории «правильным» фаворитом, превратившим малопочтенный образ ночного «временщика» в настоящий институт власти с неписаными, но четко очерченными правилами и границами. Вероятно, в какой-то степени это явление можно рассматривать как определенный шаг на пути «европеизации» России, хотя и в весьма специфической сфере.

Бирон сумел не повторить ошибок своих предшественников на этом пути. Меншиков оттеснил императора (пусть даже ленивого и своевольного подростка) на задний план — и в итоге восстановил против себя всех остальных и был свергнут. Друг и обер-камергер Петра II Иван Долгоруков оказался неспособен к какой-либо государственной работе, и его «правление» прославилось только амурными похождениями и беззащитным обогащением родственников.

Бирон играл свою роль по «европейским» правилам: «<...> не злоупотребляет своей силой, любезен и вежлив со всеми и ищет всевозможных случаев понравиться», — вполне одобрял его поведение де Лириа в том же 1730 г. Новый фаворит так же, как Меншиков, прошел этап борьбы за власть и влияние, занявший примерно два года. Именно в 1730—1731 гг. донесения послов говорят о жалобах и возмущении дворян тем, что «ее величество окружает себя иноземцами».²⁰ Позднее, когда расстановка сил стала ясной и «дележка» власти закончилась, эти жалобы умолкли.

Рубежом в этой борьбе можно выделить середину 1732 г.: к этому времени Бирону удалось не только удалить послом в Берлин П.И.Ягужинского (ноябрь 1731 г.), но и нейтрализовать притязания быстро входившего в милость фельдмаршала Б.-Х.Миниха, который в 1733 г. был отправлен из столицы на осмотр пограничных укреплений, а затем в армию. К этому времени фаворит перевез ко двору своих детей и определил цель — стать герцогом Курляндии, о чем сообщил саксонский посол И.Лефорт осенью 1732 г.²¹

С весны 1732 г. Бирон стал впервые проявлять инициативу: встречался и беседовал с иностранными послами по интересовавшим их вопросам. Донесения английского консула Рондо и Лефорта четко зафиксировали это важное изменение в работе дипломатов при петербургском дворе: в 1733 г. они докладывали уже об «обычае» посещать обер-камергера, которого неукоснительно придерживались члены дипломатического корпуса (сами авторы, австрийский резидент Гогенгольц, пруссак Мардефельд и другие).²² Появились новые придворные «обычаи» — например, официальное празднование именин и дня рождения фаворита и его жены.²³

Особенно интересны в этом смысле донесения Клавдия Рондо. Сближение России и Англии завершилось подписанием в 1734 г. торгового, а в 1741 г. и союзного договора. В этих условиях английский консул получил более высокий статус резидента и стал желанным гостем Бирона и Остермана. Уровень информированности его донесений резко повышается и выгодно отличается как от собственных сообщений Рондо в 1730 г., так и от депеш французского поверенного Жана Маньяна, не пользовавшегося «кредитом» при дворе.

Потерпев неудачу в попытке заключения русско-французского договора, Маньян преувеличивал трудности до полного несоответствия действительности — например, что «нет ни одного человека русского происхождения, обладающего авторитетом или способностями, ни в совете императрицы, ни в Сенате». Он же отводил душу жалобами на господство в России иноземцев и надеялся на скорый переворот «вследствие чрезвычайно сильного желания всего русского народа освободиться от ига чужеземного владычества».²⁴ В донесениях же Рондо никаких опасений грядущего переворота нет, зато они чрезвычайно богаты реальными наблюдениями. В числе прочего они подробно раскрывают методы дипломатической работы фаворита.

В ходе неформальных встреч и бесед (он подчеркнуто отказался принять для официальных переговоров английского посла лорда Форбса) Бирон всегда показывал, что находится в курсе поступающих от русских послов за границей новостей. Он первым выдвигал инициативы (предложение о кандидатуре саксонского курфюрста Августа III на польский престол или о заключении союзного договора с Англией); информировал собеседника о принятых, но еще не объявленных официально решениях (например, что торговый договор с Англией непременно будет заключен, или об отправке войск на Рейн в помощь союзной Австрии); разъяснял точку зрения русского правительства по различным вопросам. В одних случаях он подчеркивал, что говорит «от имени государыни» (и даже однажды, как заметил Рондо, в ее присутствии за занавесью); в других — что действует не как министр, а исключительно «как друг».²⁵

В этом качестве к помощи Бирона прибегали для разрешения возникавших недоразумений, а сам он мог предварительно прощупать почву для официального запроса русского правительства. Через Бирона проходили иногда весьма деликатные переговоры, невозможные по официальным каналам, как обсуждение просьбы одолеваемого кредиторами наследника прусского престола (будущего Фридриха II) о секретном займе без ведома его отца-короля.²⁶

По свидетельству одного из самых умных и интересных мемуаристов той эпохи Манштейна, Бирон обладал «некоторого рода гениальностью или здравым смыслом», что почти буквально совпадает с оценкой князя М.М.Щербатова. При всем «чрезмерном честолюбии», единодушно отмечаемом современниками, фаворит ясно осознавал границы своих полномочий. Рондо рассказывал, как обычно сдержанный Бирон однажды «вышел из себя» и накричал на австрийского резидента, поспешившего передать в Вену его слова о том, что Россия не будет настаивать на вступлении австрийских войск в Польшу (во время войны за «польское наследство» в 1733 г.). Свой гнев он объяснил именно торопливостью австрийца, тогда как он, Бирон, в данном случае «высказал скорее воззрения, чем решения государыни».²⁷ Такая оплошность могла быть расценена как попытка покушения на прерогативы монарха.

Первоначально Рондо, как и некоторые другие дипломаты, допускал, что фаворита «задаривают» Пруссия и Австрия. Но в дальнейшем он имел возможность убедиться, что никакие подарки не могли изменить его мнения, когда оно касалось главных задач российской внешней политики. Сам Бирон рассказал английскому дипломату обо всех попытках Франции и ее союзника герцога Мекленбургского подкупить его в пользу отказа от союза с Австрией даже миллионом пистолетов. В другой ситуации все попытки английского кабинета и самого Рондо «отговорить» Бирона от начинавшейся войны с Турцией (она была не в интересах английского правительства) закончились провалом. На все намеки следовал твердый ответ: «Дело зашло так далеко, что всякая попытка затупить его окажется уже поздно».²⁸

Опубликованные письма Бирона и донесения к нему С.А.Салтыкова, В.Н.Татищева, Б.Г.Юсупова и других, мемуары князя Я.П.Шаховского показывают, что новый придворный «кумир» приучил должностных лиц доставлять ему необходимую информацию в виде официальных донесений «для препровождения до рук ее величества» или более интимных «наносов». Для облегчения трудов наиболее догадливые, как А.П.Волынский и В.Н.Татищев, посылали сразу и «репорты» в Кабинет, и их «экстракты» на немецком языке Бирону.²⁹

Разрозненные части этой документации (сметы содержания вооруженных сил, различные проекты в области финансов, подаваемые Сенатом доклады о количестве решенных и нерешенных дел, ведомости доходов с дворцовых волостей и проч.) на немецком и русском языках сохранились в различных коллекциях бывшего Государственного архива и еще ждут своего исследователя.³⁰

Для подачи подобных документов и личного общения с жалобщиками и просителями было образовано целое «присутствие» с приемными часами, «аудиенц-каморой» с отдельной «палатой» для знатных и другой

для «маломощных и незнакомых бедняков». ³¹ Другим местом аудиенций фаворита стал манеж, где просители могли восхищаться лошадьми обер-камергера. ³²

Подобная практика позволяла не только разгрузить Анну от потока ежедневной корреспонденции, но отчасти восстанавливала функции императорского Кабинета времен Петра I и Екатерины I. «Я должен обо всем докладывать», — писал Бирон в 1736 г. близкому к нему курляндцу, послу в Польше К.-Г. Кейзерлингу, и называл в числе своих основных забот подготовку армии к боевым действиям в начавшейся войне с Турцией, снабжение ее провиантом, обмундированием и амуницией. В результате такой практики курляндский охотник и картежник через несколько лет «знал вполне основательно все, что касалось до этого государства». ³³ Тетрадка из бумаг Бирона говорит о том, что фаворит изучал грамматику и лексику русского языка, несмотря на нелюбовь к нему. ³⁴

Неопубликованная переписка с Бироном другой важной фигуры аннинского царствования — А.И. Ушакова — показывает не только отношения этих лиц, но и саму систему управления, где ведущую роль играли не учреждения, а доверенные «персоны». Андрей Иванович докладывал «милостивому отцу и государю» Бирону для Анны в Петергоф о делах своего ведомства — например, о поступившем доносе на откупщиков или точном времени казни Артемия Вольнского: «Известная экзекуция имеет быть учинена сего июля 27 дня пополуночи в восьмом часу».

Но вместе с делами сыска Ушаков сообщал о новостях, не касавшихся собственно Тайной канцелярии: о выборе сукна для гвардейских полков, погребении столичного коменданта Ефимова или смерти любимой собачки Анны «Цытринушки». Фаворит передавал ответы императрицы: донос является «бреднями посадских мужиков» и не имеет «никакой важности», вопрос с сукном лучше отложить — государыня не в духе: «Не великая нужда, чтоб меня в деревне тем утруждать». Одновременно через Бирона шли другие распоряжения императрицы Ушакову для передачи принцессам Анне и Елизавете или другим лицам. В иных случаях Андрей Иванович проявлял настойчивость и сумел убедить своего корреспондента все-таки решить вопрос с закупкой сукна в пользу английского, а не прусского товара. ³⁵

Как к «милостивому и высокому патрону» обращались к Бирону и многие другие совершенно незнакомые ему люди: флотские офицеры, бургомистр Выборга, донской атаман Андрей Лопатин. Для учета такой корреспонденции был даже изготовлен аккуратный каталог поступавших к фавориту бумаг и прошений, в котором почетное место занимает переписка по поводу доставки ко двору лошадей — известной страсти Бирона. ³⁶

В этом смысле «должность» Бирона открывала путь черед «штатных» фаворитов времен Елизаветы и Екатерины II. Фаворитизм — как и появление более или менее узких «тайных» советов и кабинетов — являлся важным рычагом власти, опорой монарха, а также своеобразным «демократическим» способом приобщения к элите. Тому же Кейзерлингу Бирон мог откровенно посоветовать, «как крайне необходимо осторожно обращаться с великими милостями великих особ, чтобы не впослед-

ствовало злополучной перемены», и точно объяснял необходимое для этого условие: всегда находиться «в службе ее величества» и соблюдать «единственно и исключительно интерес ее императорского величества». ³⁷

В расцвете своей необычной карьеры фаворит ясно представлял себе и ее возможный конец. Узнав в 1736 г., что основные препятствия к занятию им герцогского трона Курляндии преодолены, Бирон написал Кейзерлингу: «До тех пор, пока Бог хранит ее величество императрицу русскую, еще можно выйти из затруднения; но когда, Боже сохрани, что случится, не буду ли я вполне несчастлив?» Предсказание оказалось верным. Пока Бирон действовал исключительно «в службе ее величества» и соблюдал правила игры, он оставался непотопляемым. Не случайно его имя крайне редко появляется в бумагах Кабинета: от имени императрицы он передавал иногда министрам те или иные бумаги, получал затребованную информацию или особо интересовавшие Анну вещи — например, подаренные прусским королем штучеры. ³⁸ Но когда после десятилетнего фавора он попытался стать самостоятельной фигурой, да еще и регентом империи, крушение не замедлило себя ждать.

«Работу» фаворита или фаворитки не стоит представлять как беззаботную жизнь среди удовольствий и наград. Тот же Бирон констатировал, что не имел иногда и минуты свободного времени, поскольку должен был «безотлучно» состоять при императрице вплоть до сопровождения ее к зубному врачу. Повседневные «доклады» императрице и ведение корреспонденции требовали как минимум понимания внутри- и внешнеполитического положения страны; кадровые назначения — способность разбираться в людях; бесконечные прошения и «доношения» с переплетением государственных и вполне корыстных интересов — умения вести политическую интригу и продумывать каждый шаг, чтобы избежать «злополучной перемены».

Бирон порой искренне завидовал ловкости Остермана, виртуозно умевшего подать успешную политическую акцию как свою заслугу и столь же естественно отсутствовать или «болеть», когда события складывались неблагоприятно. ³⁹ Кроме того, необходимо было вовремя замечать перемены настроения государыни, развлекать ее неожиданными (и непременно приятными) сюрпризами, подчиняться ее распорядку дня, склонностям и даже капризам день за днем в течение многих лет — и все это время находиться «под прицелом» замечавшего любые промахи придворного общества, среди бесконечных интриг и «подкопов», постоянно ощущая конкуренцию возможных соперников, которых надлежало устранять — но не в Сибирь или на плаху, а на почетный пост вдали от двора, как это сделал Бирон с другим «немцем» — Иоганном Корфом.

Биография «коллеги» Бирона при французском дворе, знаменитой маркизы де Помпадур, очень хорошо показывает, каких усилий стоило девушке из буржуазной семьи сохранить в течение 20 лет привязанность Людовика XV и превратиться, по свидетельству одного из министров, из проходной «метрессы» в «единственное связующее звено в разделенном правительстве». «Вы думаете, что у меня есть хоть минута для себя? Вы ошибаетесь, мы постоянно в дороге... Здесь [в Версале. — И.К.] я могу

быть счастлива. Но когда? Репетиции, спектакли, важные и многочисленные обязанности, королева, дофин, его супруга, трое дочерей, судите сами, есть ли время вздохнуть», — жаловалась она своей подруге на изнурительный образ жизни двора.⁴⁰

Поэтому курляндского дворянина нет необходимости считать истинным правителем России; но не стоит, напротив, полагать, что заезжий «грубиян и проходимец» являлся всего лишь «марионеткой в руках Остермана», и, соответственно, менять «бироновщину» на «остермановщину».⁴¹ Помимо того, что Бирон оказывал императрице интимные услуги, он стал для нее чем-то вроде заведующего личной канцелярией, т.е. примерял ту же роль, что спустя почти сто лет будет выполнять знаменитый А.А.Аракчеев. И так же, как «бироновщина», появится в то время «аракчеевщина» вместе с представлениями о том, что всемогущий временщик своевольно управляет Россией.

Кадровые перестановки 1730-х гг.

Относительная стабильность аннинского царствования обеспечивалась известным балансом сил как между отдельными органами власти, так и внутри них. В разговорах с дипломатами «всемогущий» Бирон мог сколько угодно критиковать Остермана и даже принимать жалобы на медленное течение официальных переговоров; но, как замечал Рондо, в области внешней политики «все дела проходят через руки Остермана», и последний «много превосходит обер-камергера опытом и... умеет ошеломить его своим анализом положений». В результате собственно переговорный процесс находился в ведении Остермана, как и текущее руководство, и инструкции послам. Но и он — истинный основатель Кабинета, который «тайно содержался в руках графа Остермана» (что было поставлено ему в вину после переворота 1741 г.) — не мог претендовать на единоличное господство в новом механизме власти. После смерти канцлера Головкина ему в коллеги подбирались фигуры вполне самостоятельные и амбициозные, как П.И.Ягужинский или А.П.Волынский.

Как нам кажется, можно утверждать, что сама Анна и после указа 1735 г. о передаче министрам права издания указов не устранилась от дел совсем. Из сохранившегося подсчета итогов работы Кабинета за 1736 г. следует, что на 724 указа министров приходится 135 именных указов Анны, а на 584 резолюции на докладах и «доношениях» — 108 «высочайших резолюций».⁴² К сожалению, документ не раскрывает, какие именно вопросы императрица предпочитала решать сама.

Однако заметна ее «руководящая роль» в отношении придворного мира, где императрица, очевидно, чувствовала себя уверенно — как властная помещица в кругу своей дворни. После прозябания в глухом углу Северной Европы почти случайно получившая власть Анна Иоанновна на верстывала упущенное, скупая через придворного «фактора» Исаака Липмана драгоценности.⁴³ Вообще же она предпочитала не слишком изысканные забавы. «Едва не ежедневно по часу перед полуднем ее императорское величество смотрением в Зимнем доме медвежьей и волчьей

травли забавляться изволит», — сообщали читателям в 1737 г. «Ведомости» и приводили списки охотничьих трофеев Анны.

Удивлявшая современников роскошь двора требовала немалых расходов. При Анне даже вельможи, подобно А.П.Волынскому, тяготились «несносными долгами» и искренне считали возможным «себя подлинно нищим назвать». Именные указы Соляной конторе (соляные доходы составляли источник личных, «комнатных» средств императрицы) показывают, что царица умело направляла поток милостей в виде «пенсионеров» и единичных выдач (например, фрейлинам на приданое, офицерам гвардии и фигурам более высокого ранга).

Постоянными получателями были герцог Л.Гессен-Гомбургский, С.А.Салтыков, А.М.Черкасский, братья Левенвольде, Г.П.Чернышев, А.П.Волынский, Б.-Х.Миних, Ю.Ю. и Н.Ю.Трубецкие. Обычно это были не слишком большие суммы в 500—1000 рублей, но иногда счастливым выпадали и подарки в 7—10 тысяч рублей. Так, однажды улыбнулось счастье поручику Ханыкову, который за неизвестные заслуги получил на двоих с гоф-юнкером Симоновым в 1736 г. 1500 рублей. Одним деньгами давались на лечение, «за проезд за моря», «для удовольствия экипажу»; другим — в долг, как А.П.Волынскому и камер-юнкеру Алексею Пушкину.⁴⁴ За девять лет (1731—1739 гг.), по нашим подсчетам, эти личные расходы Анны составили 898312 рублей, т.е. примерно по 100 тысяч рублей в год.⁴⁵ Существовала особая норма выдач на крестины, в которых первые вельможи государства были «уравнены» с гвардейскими офицерами и придворными «служителями»: все получали по 50—100 червонных.⁴⁶ Все эти выплаты неизбежно привязывали их получателей к властной «хозяйке», тем более что они иногда превосходили их служебные оклады.

Кстати, эти распоряжения не содержат приказов о выдаче денег Бирону. Фаворит отнюдь не бедствовал: только строительство дворца в Митаве обошлось в 300 тысяч рублей; еще 600 тысяч рублей были потрачены на выкуп заложенных имений старого герцога в Курляндии; в 1734 году Бирон за 37 тысяч рейхсталеров приобрел владение Вартенберг в Силезии (несколько имений он купил в Курляндии и Лифляндии еще до избрания герцогом). Однако какая часть этих расходов бралась из казенных денег (и из каких источников), а какая — из подарков и доходов от 120 имений фаворита, пока неясно.⁴⁷

Официально же он был награжден только один раз, в феврале 1740 г., по случаю заключения мира с Турцией. Тогда Анна сама тяжелым и корявым почерком написала черновик указа о пожаловании Бирону награды: «Светлейший, дружелюбно любезнейший герцог. Во знак моей истинной благодарности за толь многие ваши мне и государству моему показанные верные, важные и полезные заслуги презентую вам сей сосуд и по приложенной при сем осигнации пятьсот тысяч рублей; и будучи обнадежена о всегдашнем вашем ко мне доброжелательном намерении пребываю неотменно и истинно ваша склонная и дружески охотная Анна».⁴⁸ Бумаги Соляной конторы показывают, что реально из этой суммы он получил в августе 1740 г. только 100 тысяч рублей.⁴⁹

Трудно сказать, насколько решающей была роль Бирона в сфере назначений и наград. Несомненно, что к нему поступали многочисленные просьбы о «пожалованиях», — так, собственно, и действовал механизм

«клиентских» отношений.⁵⁰ Однако сами ответственные назначения нового царствования были последовательными и впервые с 1725 г. затронули практически все центральные учреждения.⁵¹ О подготовке такой акции по перемене руководящих кадров говорит найденный нами список кандидатов в президенты коллегий из числа сенаторов и «из других чинов», а также в вице-президенты и советники. Он был составлен на русском языке с подстрочным переводом на немецкий, по-видимому, Остерманом, еще весной 1730 г. (поскольку А.М.Черкасский числится еще сенатором, а упомянутый И.П.Шереметев получил назначение в Канцелярию конфискации в июне 1730 г.) и содержал пометы против некоторых фамилий.⁵²

Выше уже говорилось о судьбе нового Сената. По мнению специалиста изучавшего этот вопрос Д.Ле Донна, перетасовка Сената завершилась к 1737 г. «совершенным компромиссом»: в нем остались представители главных поддержавших Анну в 1730 г. кланов — Салтыковых, Трубецких и Нарышкиных.⁵³

Из трех «первейших» коллегий (см. Приложение, Таблица 1) только Коллегия иностранных дел не испытала потрясений — над ней стоял могущественный вице-канцлер. Но туда был направлен и родной брат фельдмаршала Миниха барон Христиан-Вильгельм Миних, который стал тайным советником и к концу царствования Анны первым членом коллегии. На дипломатические посты были поставлены курляндцы К.-Х.Бракель (посол в Дании и Пруссии), К.-Г.Кейзерлинг (посол в Речи Посполитой) и И.-А.Корф (посол в Дании). Последние же по очереди руководили в 30-е гг. Академией наук.

Военную коллегию в сентябре 1730 г. возглавил М.М.Голицын, в помощь которому был отправлен вызванный с Украины генерал-лейтенант Г.-И.Бон. Но в самом конце 1730 г. фельдмаршал скончался при не вполне ясных обстоятельствах.⁵⁴

После смерти М.М.Голицына Военную коллегию возглавил фельдмаршал В.В.Долгоруков, несмотря на опалу своего клана. Отправленного в отставку Бона заменил герцог и генерал русской службы Людвиг Гессен-Гомбургский. Очередь фельдмаршала настала в конце 1731 г., когда он по случаю новой присяги «дерзнул не токмо наши государству полезные учреждения непристойным образом толковать, но и собственную нашу императорскую персону поносительными словами оскорблять». За не названные в слух «жестокое государственные преступления» князь Василий Владимирович был приговорен к смертной казни, замененной заключением в Шлиссельбургской крепости, а затем в Ивангороде. Из заточения он вышел уже после смерти Анны.

Опала фельдмаршала повлекла за собой ссылку его брата М.В.Долгорукова, недавно назначенного казанским губернатором, и стала звеном в цепи начавшихся репрессий, как будто утихших после разгрома семейства Долгоруковых. Вместе с фельдмаршалом пострадали гвардейские офицеры: капитан Ю.Долгоруков, адъютант Н.Чемодуров и генерал-аудитор-лейтенант Эмме; в Сибирь отправился полковник Нарвского полка Ф.Вейдинг.⁵⁵ В следующем году командиры Ингерманландского полка полковник Мартин Пейч и майор Каркетель обвинялись в финансовых

злоупотреблениях; а капитаны Ламздорф, Дрентельн и другие офицеры были приговорены к позорному наказанию (шесть раз прогнать через строй солдат) и ссылке в Сибирь за то, что называли русских людей «подложными слугами».⁵⁶ Мы не знаем, связано ли было это дело с оценкой виновными событий 1730 г.; но очевидно, что новые власти не жаловали любую оппозицию, в том числе и со стороны «немцев».

Похожая ситуация произошла в морском ведомстве. Вице-президент Адмиралтейств-коллегии адмирал П.И.Сиверс был в феврале 1732 г. отрешен от должности и сослан в свои деревни. В вину ему ставили замедление с проведением второй присяги в 1730 г. и хранение списков с «кондиций».⁵⁷ С 1732 г. армию возглавил новый «аннинский» фельдмаршал Бурхард-Христофор Миних, а флот — адмирал Н.Ф.Головин, сохранившие высочайшее доверие до самого конца царствования.

Вслед за военным было сменено руководство финансами. Руководитель Камер-коллегии и бывший кабинет-секретарь А.В.Макаров начиная с 1731 г. непрерывно находился под следствием до самой смерти в 1740 г.⁵⁸ За отказ принять эту хлопотливую должность попал в опалу и ссылку в мае 1731 г. генерал и дипломат А.И.Румянцев. Президентом был назначен сначала сын князя-«верховника» С.Д.Голицын; но в 1733 г. его отправили послом в Иран, а на освободившееся место поставили С.Л.Вельяминова, через два года попавшего под суд по делу Д.М.Голицына.⁵⁹ Новым президентом коллегии стал И.И.Бибиков, который и продержался на этом посту до конца царствования. Складывается впечатление, что на эту неблагодарную работу последовательно ставились люди, не пользовавшиеся особым доверием императрицы: перечисленные выше лица подписывали в 1730 г. проекты и при Анне карьеры не сделали.

Был сменен глава Берг-коллегии, моряк и горный инженер А.К.Зыбин (он также подписывал «проект 364»). Его поставили судьей в Сысской приказ и вскоре за «неправедное» решение лишили генеральского чина и отправили строить суда на Днепре.⁶⁰ Сама же коллегия была ликвидирована как самостоятельное учреждение и только через несколько лет восстановлена под названием Генерал-берг-директория во главе с саксонцем К.Шембергом.

Во главе Коммерц-коллегии (она объединяла теперь функции прежних Берг- и Мануфактур-коллегий) был поставлен возвращенный из ссылки А.Л.Нарышкин; после его назначения в Сенат президентом стал другой прежний опальный — П.П.Шафиров. Здесь немилость коснулась вице-президента Г.Фика: следствие по его делу началось после ареста князя В.В.Долгорукова и закончилось ссылкой в Сибирь.

Ревизион-коллегия долгое время оставалась без руководства, пока в 1734 г. во главе ее не был поставлен генерал-майор А.И.Панин. Перемены не обошли и остальные учреждения. Младший брат Д.М. и М.М.Голицыных М.М.Голицын-младший сначала был выведен из Сената, а в 1732 г. оставил пост президента Юстиц-коллегии, который занял родственник Остермана И.А.Щербатов.

В декабре 1731 г. был снят президент Вотчинной коллегии М.А.Сухотин; его заменил генерал-майор И.И.Кропотов, в свою очередь смененный А.Т.-Ржевским, который в 1737 г. попал под следствие по делу Д.М.Голицына, но

сумел сохранить свой пост.⁶¹ В 1731 г. бывший сенатор И.П.Шереметев был отправлен в Сибирский приказ вместо отрешенного от должности судьи И.Давыдова; С.Г.Нарышкин — министром к гетману Украины; новыми начальниками Канцелярии конфискации и Ямской стали бригадиры И.Г.Безобразов и Н.А.Козлов.

Наконец, в том же 1731 г. был уволен архиатер (глава медицинского ведомства) Иоганн Блюментрост; его брат, лейб-медик и президент Академии наук Лаврентий потерял свои посты несколько позже — летом 1733 г.⁶² Новым придворным врачом стал Иоганн-Христиан Ригер, а Академию возглавил дипломат Г.-К.Кейзерлинг.

Кампания по обновлению высшей администрации завершилась в 1732 г. там же, где и началась: в дворцовом ведомстве. В декабре 1731 г. новым начальником Конюшенного приказа вместо Д.Потемкина стал подполковник И.Анненков, а в марте 1732 г. гоф-интендант А.Кармедон заменил У.А.Сенявина на посту начальника Канцелярии от строений; от прежнего руководства был потребован финансовый отчет начиная с 1720 г.⁶³ Некоторым из администраторов не нашлось подходящего места, и они были отрешены от дел: такая судьба постигла обер-секретаря Сената Матвея Воейкова, его коллегу из Синода А.П.Баскакова, Блюментростов, Макарова; в заморские провинции на войну отправились Д.Ф.Еропкин и А.Б.Бутурлин; строить Закавказскую линию — Ф.В.Наумов.

Смену кадров мы можем наблюдать в 1730—1732 гг. и на уровне высшей провинциальной администрации — губернаторов и вице-губернаторов. Исследовавший назначения губернаторов Д.Ле Донн указал, что на эти годы приходится 12 из 35 подобных назначений, сделанных в царствование Анны.⁶⁴ На самом деле их больше, поскольку список губернаторов у Ле Донна неполон и неточен и не включает администрацию по Астраханской губернии и киевских генерал-губернаторов.

На основании составленного нами по опубликованным и архивным источникам списка местных правителей (Приложение, Таблица 2) следует, что в 1730 г. на губернаторство были отправлены: М.А.Матюшкин (в Киев с последующей отставкой в марте 1731 г.), А.И.Тараканов (в Смоленск, а затем в том же году в армию на юг), П.М.Бестужев-Рюмин (в Нижний Новгород, а оттуда в ссылку в свои деревни), П.И.Мусин-Пушкин (в Смоленск), М.В.Долгоруков (в Астрахань, затем в Казань и оттуда — в ссылку), А.Л.Плещеев (в Сибирь), В.Ф.Салтыков (в Москву), И.М.Волынский (вице-губернатором в Нижний Новгород).

В 1731 г. к новому месту службы отправились Г.П.Чернышев (генерал-губернатором в Москву), И.И.Бибиков (в Белгород), И.П.Измайлов (в Астрахань), опять П.И.Мусин-Пушкин (в Казань), генерал-лейтенант И.-Б.Вейсбах (в Киев), бригадиры П.Бутурлин и А.Арсеньев (оба — вице-губернаторами в Сибирь вместо отрешенного от должности И.Болтина). В 1732 г. последовали назначения И.М.Шувалова (в Архангельск), генерал-майора М.Ю.Щербатова (сменил отправленного в армию И.М.Шувалова в Архангельске), генерал-лейтенанта В.фон Дельдена (в Москву в помощь Чернышеву губернатором, в следующем году отставлен), И.В.Стрекалова (в Белгород), камергера А.А.Черкасского (в Смоленск),

А.Ф.Бредихина (вице-губернатором в Новгород), стольника С.М.Козловского (вице-губернатором в Смоленск), бригадира И.Караулова (вице-губернатором в Казань).

Сделанные именно в эти годы назначения, по нашему мнению, свидетельствуют не столько о «выдвижении новой правящей группы», как полагал Ле Донн, а скорее — о стремлении удалить из столиц или из Сената нежелательные для новых властей фигуры или быстро найти замену неугодным администраторам, которых отправляли в армию или отрешали от должности. Напомним, что 14 из 23 перечисленных выше лиц подписывали различные проекты и прошения.

Императрица и ее советники стремились как можно скорее убрать неугодные или подозрительные фигуры. Некоторые назначения были явно торопливыми и непродуманными. А.П.Волынского отправили было в Иран, но назначение отменили. Генерал Чернышев оказался неспособным губернатором, получал от Анны выговоры и в 1733 г. возвратился в Сенат; Афанасий Арсеньев был уже «весьма дряхл» для командировки в Сибирь; ветеран фон Дельден за время 50-летней службы «пришел в глубокие тяжкие болезни и безсилие» и даже не мог самостоятельно передвигаться. Больной М.А.Матюшкин не смог немедленно отправиться на губернаторство в Киев, и генерала тут же отправили на медицинское освидетельствование, подтвердившее, что «надежда к конечному его исцелению весьма мала».⁶⁵

Другие перемещения намеренно имели целью последующую опалу; некоторых лиц перебрасывали из губернии в губернию (как П.И.Мусина-Пушкина) или к другим местам службы (как И.И.Бибикова и А.И.Тараканова), пока не сочли возможным предоставить им более почетные должности в столице.

Волна перемещений коснулась не только лиц из числа генералитета; в сентябре 1730 г. последовали массовые назначения на воеводские посты, куда из столицы отправлялись многие участники недавних событий. Эти назначения проходили спешно; некоторые из намеченных в списках кандидатур вдруг «снялись» и в последний момент заменялись другими «по нынешней разметке».⁶⁶

Период кадровой перетряски завершился в 1732 г., последующие назначения уже не носили такого массового и несколько хаотического характера. Для некоторых «подозрительных» лиц они стали своеобразным «испытательным сроком», как для опального А.И.Румянцева или прошенного бывшего генерал-фискала А.А.Мякина, для других — даже ступенькой в карьере, как для будущего елизаветинского фельдмаршала А.Б.Бутурлина. Последним всплеском опал начала 30-х гг. стало «дело» смоленского губернатора А.А.Черкасского. Он обвинялся в том, что якобы посылал письма в Голштинию, к внуку Петра, которого он считал законным наследником. Навет был, как выяснилось впоследствии, ложным; но перепуганный Черкасский под пыткой признал свою вину и был сослан на берег Охотского моря.

Династические конфликты и борьба вокруг престола в 1725—1730 гг. принципиально не сказывались на руководящем кадровом составе, но после событий 1730 г. количество назначений и перестановок в государ-

ственном аппарате резко увеличилось; такие последствия будет вызывать каждый последующий переворот. При этом царствование Анны Иоанновны выглядит, пожалуй, самым интенсивным в смысле частоты назначений и смещений. По нашим подсчетам, за 10 лет состоялось 68 назначений на руководящие посты в центральном аппарате (в среднем 6,8 чел. в год) и 62 назначения губернаторов (6,2 чел. в год).

Помещенные в Приложении Диаграммы 1 и 2 подтверждают вывод о том, что аннинское царствование было весьма беспокойным для правящей элиты, которая неоднократно подвергалась ротации: массовые замены должностных лиц имели место и в 1736, и особенно в 1740 г. При этом около четверти (22 %) руководителей учреждений и 13 % губернаторов за эти десять лет были репрессированы; а с учетом уволенных и оказавшихся «не у дел» эти цифры составят соответственно 29 % и 16 % (см.: Приложение, Диаграммы 3 и 5).

«Перестройка» системы управления не обошла стороной такое специфическое государственное учреждение, как гвардия. В течение 1730–1731 гг. из полков были «выключены» все младшие Долгоруковы.⁶⁷ Обновился и высший командный состав. Верного Салтыкова Анна сделала подполковником Преображенского полка, а А.И.Ушаков наряду с Тайной канцелярией бессменно возглавлял Семеновский полк. Впрочем, в то время эти «службы» были тесно связаны: доставляли, охраняли и отправляли в Сибирь арестантов ведомства Ушакова те же самые гвардейские солдаты и офицеры. Майорами Преображенского полка стали придворный Н.Ю.Трубецкой, Л. Гессен-Гомбургский и запомнившийся Анне в день 25 февраля И.Альбрехт; в Семеновском полку — также отличившиеся в феврале 1730 г. С.Ф.Апраксин и М.С.Хрущов.

Доклады и приказы по полкам 30-х гг. свидетельствуют, что новая «полковница» оценила роль гвардии и старалась держать ее под строгим контролем. Императрица регулярно устраивала «трактования» гвардейских офицеров во дворце, но она же установила еженедельные (по средам) доклады командиров полков и лично контролировала перемещения и назначения в полках. Даже прием новых солдат по итогам дворянских смотров министры Кабинета несли на ее утверждение; так, Анна лично определила в солдаты гвардии будущего знаменитого полководца П.А.Румянцева.

Полковому начальству запретили в 1736 г. отправлять гвардейцев в отпуска и «посылки» без разрешения императрицы. Она же своими резолюциями определяла меру наказания для провинившихся. Загулявший в первый раз сержант Иван Рагозин в качестве штрафа «стоял под 12 фузеями», а попавшиеся на воровстве вторично солдаты Федор Дирин, Семен Шанин и Семен Чарыков были повешены. Приговорила Анна к смерти и взяточника поручика Матвея Дубровина, хотя и разрешила его «от бесчестной смерти уволить, а вместо того расстрелять».⁶⁸

Изучение послужных списков гвардейцев (с указанием количества душ в имени) подтверждает уже высказанное мнение о том, что при Анне гвардейцы по сравнению с петровскими временами стали более зажиточными, а сами полки — более «дворянскими» (дворяне составляли более 50 % рядовых). Новая власть стремилась поддержать этот порядок: указы императрицы требовали зачислять в полки тех солдат и офицеров,

которые «достаток имели, чем себя будучи в гвардии содержать», и обязывали их иметь хороших лошадей, на которых караульные офицеры должны были отправляться во дворец.⁶⁹

Колебания высших гвардейских чинов в феврале 1730 г. заставили Анну и ее окружение принять более решительные меры. Уже в сентябре того же года стал формироваться новый гвардейский Измайловский полк, куда императрица лично подбирала кандидатов на командные должности. Командиром полка был назначен обер-штальмейстер Карл-Густав Левенвольде, а его заместителем — шотландец Джеймс Кейт. Офицерский состав формировался отчасти из прибалтийских «немцев» (в их числе был брат фаворита майор Густав Бирон), отчасти — из наиболее надежных кавалергардов и армейских офицеров. Таким путем туда попали молодой В.Нащокин и отец другого писателя XVIII в. — поручик Тимофей Болотов. Рядовых набирали из украинских полков.⁷⁰

В конце того же года приступили к формированию еще одного соединения — полка Конной гвардии. Формально шефом полка считался Ягужинский, но с его отъездом подполковником стал А.И.Шаховской; «младшим подполковником» был назначен Б.-Э.фон Траутфеттер, майорами — Карл Бирон (другой брат фаворита) и Р.фон Фрейман. Примерно треть офицеров принадлежала к прибалтийскому дворянству; в рядовые брали и украинских однодворцев, и «взрачных» представителей «лифляндского шляхетства и мещанства».

При формировании новых полков заметна наметившаяся ранее тенденция «укреплять» гвардейские части родственниками находившихся у власти лиц. Долгоруковы предпочитали служить в Преображенском полку; в Конной гвардии числились не только брат и сын Бирона, но и целая группа Шаховских: будущий вельможа и мемуарист Яков Петрович и несколько его родственников.⁷¹

Кавалергардская рота сначала получила от императрицы месячное жалование «не в зачет», но уже в следующем году была расформирована; лишь немногие из ее рядов смогли перейти в новые гвардейские полки. Большинство кавалергардов получили назначение в полевую армию: им приказано было немедленно отправляться к месту службы, «дабы они в Москве праздно не шатались».⁷²

В целом предпринятая масштабная перетряска основных государственных структур была проведена вполне успешно, хотя и не исключала появления недовольства. Новая императрица и ее советники сумели навести порядок в высших эшелонах власти и получить реальную военно-политическую опору в лице «новой» гвардии. Именно эта «работа с кадрами», а не пресловутое «засилье иноземцев» дала правлению Анны Иоанновны стабильность. Однако такой ли уж грозной силой обладал новый режим?

Сила и слабость монархии

Триста лет назад самодержавная власть царя куда больше опиралась на традицию, чем на всепроникающую бюрократию. К 1725 г. император располагал около 2 тысячами чиновников в Сенате, центральных колле-

гиях и канцеляриях; примерно таким же было количество служащих на местах. Всего же, по данным обер-прокурора Сената И.К.Кирилова, во всей империи в 1725 г. в системе управления были заняты 1189 «управителей» — класных чиновников и 3685 «приказных» на 16 млн. населения.⁷³ В итоге (с учетом того, что основные кадры аппарата были сосредоточены в столицах и крупных городах) получается, что один более или менее грамотный приказный приходился примерно на 10 тысяч простых обывателей. Для сравнения: в соседней Пруссии времени «короля-солдата» Фридриха-Вильгельма I (1713—1740 гг.) на 3 млн. населения приходилось 2 тысячами управленцев, т.е. один чиновник на 1500 подданных.⁷⁴

Неквалифицированные и малочисленные «управители» и «канцеляристы» еле справлялись с обилием текущих местных дел и потоком запросов и требований центра и с трудом воспринимали новые канцелярские формы и лексику, что вызывало даже появление пародий на них.⁷⁵

О канцелярское «безлюдство» разбивались все попытки оперативно получить требуемую информацию. Так, в апреле 1727 г. Сенат констатировал, что присланные из центральных учреждений данные о приходе и расходе денег еще за 1724 г. оказались «с поданными ведомостями из Камор коллегии несходственны, ибо в ведомостях Камор коллегии показано в отпуску много, а в ведомостях оных коллегей и канцелярей в приходе того меньше, а в других ведомостях показано в рентереи в отдаче больше того числа, что по ведомости Камор коллегии показано в приеме». Приказание исправить ведомости осталось невыполненным; в конце концов Сенат постановил вернуть все «несходственные» документы в Камер-коллегию, чтобы она «учинила верные ведомости».⁷⁶

Составленные для Верховного Тайного совета сводные данные показывают, например, что к сентябрю 1727 г. подушные деньги за январскую треть этого года были доставлены только из 61 полка, а от 68 полков рапортов еще не поступало. Вместо ожидаемых по смете 574331 были получены только 394375 рублей; отсутствие остальных средств сборщики объясняли «совершенной пустотою», «скудостью», «дряхлостью и малолюдством» плательщиков или их «ослушанием». Военная коллегия оправдывалась: полковые власти не присылали рапортов еще с 1725 г., несмотря на отправку на места только за несколько месяцев 1726 г. шести указов с угрозами «судить и по суду штрафовать» виновных.⁷⁷

За сотни и тысячи верст от Петербурга воеводы и прочие должностные лица становились совершенно неуправляемыми. Первая и последняя за всю «эпоху дворцовых переворотов» сенаторская ревизия графа А.А.Матвеева по центральным провинциям страны вскрыла огромные «упущения казенных доимков» (170 тысяч рублей только по одной Владимирской провинции), бездействие судов и произвол «особых нравом» начальников.⁷⁸ «Непостижимые воровства и похищения не токмо казенных, но и подушных сборов деньгами от камериров, комиссаров и от подьячих здешних я нашел, при которых по указам порядочных приходных и расходных книг здесь у них отнюдь не было, кроме валяющихся гнилых и непорядочных записок по лоскуткам», — такой увидел Матвеев реальность новых учреждений.⁷⁹ Их чиновники сами перешли в наступление —

обвинили комиссию в «неправедном суде»; в борьбе с ними ревизор быстро изнемог и уже в марте 1727 г. стал просить об отставке.

Но даже законопослушное начальство не могло реально контролировать повседневную жизнь населения. Значительная часть подданных «регулярной» империи жила как бы в ином мире (иногда — в прямом смысле: в надежно укрытых от воевод и духовенства скитах и общинах) со своими традициями, законами и авторитетами. Пока в Петербурге менялись цари и министры, в этом мире кипели свои страсти и заключались свои союзы — например, «между Андреем Дионисьевичем [главой старообрядческой Выговской пустыни. — И.К.] и Федором Калининевичем, настоятелем ярославских стран; от страны же Польская почетнейшим настоятелем Егнатием Трофимовым учинен вечный мир в лето 1727 августа 5 дня», — упоминаемые в одном из раскольничьих сочинений XVIII в.⁸⁰

Отсутствие кадров усугублялось колоссальными пространствами страны, где между редкими ячейками административной сети связь осуществляла целая армия курьеров. Приведенное у Кирилова их число (2217 унтер-офицеров и солдат) хотя и равно количеству всех провинциальных служащих, но явно занижено, поскольку автор не дает сведений по нескольким губерниям (Казанской, Астраханской, Архангельской) и, возможно, включает в перечень только «штатных» лиц, занятых на этой службе. Так, в 1732 г. Сенат полагал, что необходимо привлечь к этой деятельности еще 4038 чел., чтобы с прежними они составили 5488 рассыльщиков, необходимых для работы государственной машины.⁸¹ На деле к фельдъегерской работе привлекалось огромное количество всякого служилого люда, прежде всего — гвардейские и армейские солдаты и офицеры. Жизнь многих из них так и проходила на бесконечных дорогах империи, где иные из таких гонцов навсегда пропадали «безвестно».⁸²

Только из одного дела о рассылке императорского указа от 7 сентября 1727 г. о «неслушании» никаких распоряжений Меншикова следует, что во все концы страны 3345 печатных распоряжений об этом повезли сотни курьеров: несколько десятков из столицы, а остальные — из Москвы и других губернских центров. На доставку даже столь важных бумаг в старую столицу требовалась неделя (прибыли 16 сентября); а на окраины европейской России они приходили примерно через месяц: в Симбирске указ был получен 3 октября, на Дону — 7 октября, в Уфе — 8 октября. С уведомлением о получении местные власти не торопились и отправляли рапорты с ближайшей оказией. В данном случае такие расписки пришли в Петербург через два месяца (из Уфы и Симбирска — 9 декабря 1727 г.), когда сам светлейший князь давно уже находился в ссылке и исполнение указа потеряло всякий смысл.⁸³

Темпы доставки корреспонденции на протяжении столетий почти не менялись: в XVII столетии почта из Москвы в Архангельск двигалась со скоростью 10 верст в час, т.е. при непрерывной езде гонец в сутки мог одолеть 240 верст, что являлось пределом возможного. Только в следующем веке некоторое улучшение дорог позволило фельдъегерям Николаю I достичь максимума — 300—350 верст в сутки со страшным напряжением сил и опасностью для жизни. «Приходилось в степях, при темноте, сби-

ваться с пути, предоставлять себя чутью лошадей. Случалось и блуждать, и кружиться по одному месту. По шоссе дорогам зачастую сталкивались со встречным, при этом быть только выброшенным из тележки считалось уже счастьем. Особенно тяжелы были поездки зимою и весною, в оттепель; переправы снесены, в заторах тонули лошади, рвались построики, калечились лошади», — вспоминал тяготы службы старый фельдъегерь в середине XIX века.⁸⁴

Что же изменилось при Анне? После коронации, в июне 1730 г., была объявлена программа реформ. Серия именных указов предусматривала скорейшее окончание нового Уложения, учреждение комиссий для рассмотрения состояния армии «без излишней народной тягости» и «сочинения» новых штатов государственных учреждений, разделение Сената на департаменты. Эта программа осталась в итоге нереализованной; но даже ее выполнение означало бы только консервацию созданной Петром I системы с некоторой корректировкой, но без каких-либо принципиальных изменений, в чем согласны историки разных поколений.⁸⁵

Это означало, прежде всего, частичные уступки «шляхетству» и его социальным требованиям. Был уничтожен петровский закон о единонаследии, а затем открыт Сухопутный шляхетский кадетский корпус для подготовки из дворянских недорослей офицеров и «статских» служащих. В 1731 г. правительство восстановило отмененную было при Екатерине I практику баллотирования в первые обер- и штаб-офицерские чины в армии — в поисках лучшей системы «производства». В первые годы царствования Анны помещицы крестьяне потеряли право приобретать земли в собственность, им также было запрещено брать откупа и казенные подряды. «Слезные и кровавые подати» заставляли крестьян бежать за рубежи государства, в Польшу или оказывать сопротивление властям и составлять разбойничьи «партии».⁸⁶ С другой стороны, все поползновения дворянского «общенародия» на участие во власти (предложения проектов 1730 г. о выборности должностных лиц в центральных учреждениях и губерниях) были отвергнуты.

Однако представления о «кровавом терроре» и многотысячных жертвах пыток и доносов в годы «бионовщины» явно преувеличены.⁸⁷ Не плохо сохранившийся архив карательного ведомства показывает, что Тайная канцелярия была вовсе не похожа на аппарат соответствующих служб новейшего времени с их разветвленной структурой, многотысячным контингентом штатных сотрудников и нештатных осведомителей. В послепетровскую эпоху она являлась скромной конторой, не имевшей местных отделений и профессиональных «шпионов». В конце царствования Анны в ней несли службу секретарь Николай Хрушов, 4 канцеляриста, 5 подканцеляристов, 3 копииста и один «заплечный мастер» Федор Пушкинов. Через двадцать лет, в 1761 г. штат даже уменьшился до 11 человек и годовой бюджет сократился с примерно 2100 до 1660 рублей при прежних ставках: новый палач Василий Могучий получал, как и его предшественник, 15 рублей жалования. Такой же штат (14 чел.) с такими же расходами имелся и в московской «конторе» Тайной канцелярии.

Малочисленный штат был занят преимущественно бумажной работой: составлением и перепиской протоколов, допросов и докладов. Дос-

тавкой подозреваемых и преступников занимались местные военные и гражданские власти. Основную же работу по охране и конвоированию «колодников» в Петропавловской крепости (где помещалась и сама канцелярия) выполняли офицеры и солдаты гвардейских полков. Они держали заключенных «в крепком смотре»; следили, «дабы испражнялись в ушаты, а вон не выпускать»; допускали на свидания родственников (с тем, чтобы жены «более двух часов не были, а говорить вслух»). Они же выдавали узникам «молитвенные книжки» и «кормовые деньги», у кого они были: на казенный корм рассчитывать не стоило, и иные арестанты «с голоду» не доживали до решения своих дел.⁸⁸

Во главе этого учреждения при Анне стоял его новый, а точнее — старый начальник А.И. Ушаков: вчерашний опальный гвардеец, подписывавший ограничительные проекты в феврале 1730 г., стал необходимым и верным слугой. Власти, как и при Петре, использовали силу массового доноительства в качестве инструмента «обратной связи» с подданными. Указы прямо предписывали доносить на ближнего «без всякого опасения и боязни того ж дни. А если в тот день за каким препятствием не успеет, то, конечно, в другой день», ибо «лучше донесением ошибиться, нежели молчанием». Изымая дела «по первым двум пунктам» из компетенции местных властей, правительство поддерживало авторитет и веру в справедливость царской власти. В результате крестьяне и посадские часто придавали этим пунктам иное толкование и стремились таким путем сообщить о произволе и воровстве местных чиновников.⁸⁹

Большинство обычных дел по обвинению в неосторожной болтовне, не представлявших, с точки зрения опытных следователей, опасности, заканчивались для обвиняемых — особенно если те не запирались, а сразу каялись в «безмерном пьянстве» — сравнительно легко: поркой и отправкой к прежнему месту жительства или службы. За десятилетие «бионовщины» через Тайную канцелярию прошло 10512 узников, а в сибирскую ссылку отправилось всего 820 человек. Что же касается конкретных случаев репрессий, то документы о конфискованном имуществе показывают, что имения и дворы отбирались у тех же лиц и по тем же причинам, что и ранее: за невыполнение подрядных обязательств, долги по векселям, «похищение казны». Трудно считать жертвами «бионовщины», например, московского «канонира» П. Семенова, сбывавшего «налево» гарнизонные пушки, или разбойничавшего на Муромской дороге помещика И. Чиркова.⁹⁰

Однако плохая «социальная репутация» правления Анны в немалой степени обусловлена суровостью репрессий именно против представителей господствующего сословия. Из 128 важнейших судебных процессов периода «бионовщины» 126 были «дворянскими», почти треть осужденных Тайной канцелярией принадлежала к «шляхетству».⁹¹

Прямых отражений в народных «толках и слухах» два государственных переворота 1730 г. не нашли — они были, согласно известной формуле, «страшно далеки от народа». Пожалуй, только одно из дел привлекло внимание самого Ушакова, который лично присутствовал при допросах. Дьякон из городка Велье Псковской провинции Осип Феофилачев вме-

сте с развозившим указы о новой присяге «мужиком» Иваном Евлампиевым истолковали это так: «Выбирают де нового государя». Подобные разговоры, как показало следствие, обвиняемые вели со многими лицами — все они отправились в Сибирь.⁹²

Дворяне были недовольны отсутствием ощутимого расширения своих привилегий, тяжелой службой, ответственностью помещиков за выплату податей их крепостными. Но дела Тайной канцелярии показывают, что все эти сугубо российские проблемы не связывались с каким-либо «иноземным засильем» и не порождали «патриотического» протеста.⁹³

Начало правления Анны вызвало политические проекты не только «сверху», но и «снизу»; последние до нас в делах Тайной канцелярии. 18 июля 1733 г. в «летний дом» императрицы в Петергофе явился сенатский секретарь Григорий Баскаков и потребовал вручить его бумаги императрице. Чиновника задержали и даже полагали «в уме повредившимся», тем более что, по отзывам сослуживцев, он «весьма пил». В адресованном императрице сочинении автор сокрушался об «умножении различных противных Богу вер» и для их искоренения призывал «идти с войною в Царьград». Но далее речь шла уже о вполне конкретных неполадках: «несходстве» финансовых документов, «неправом вершении дел» и «страждущей юстиции». Секретарь предлагал приучать молодых дворян к «доброму подьяческому труду», для чего следовало иметь при коллегиях 60 человек «юнкоров» под началом опытного приказного, который учил бы шляхтичей канцелярским премудростям на разборе конкретных дел.⁹⁴ После рассмотрения дела в Кабинете секретарь был освобожден без наказания — ведь планы воевать «Царьград» и самим министрам были не чужды.

Другой прожектор, «распопа» Савва Дугин, был из породы вечных правдолюбцев. Еще в 1728 г. он доносил о злоупотреблениях управляющего Липецким заводом; затем отправлял свои признанные «враками» сочинения в Синод и в конце концов угодил на каторгу — но не успокоился и продолжал писать, страстно желая, чтобы государыня прочла его «тетради». В своих сочинениях, написанных в том же, что и шляхетские проекты, 1730 году Дугин обличал обычные для того времени церковные неполадки — невежество и пьянство священников и «сребролюбие» епископов, предлагая священников «отставлять» от прихода и повсеместно «запретить, чтоб российский народ имел воскресный день в твердости, тако же и господские праздники чтили».

Но далее «распопа» «дерзнул донести, в какой бедности, гонении и непостоянстве и во гресех и в небрежении указов и повелений находитца Россия» от лихоимства больших и малых властей, неблагочестия, воровства, чрезмерно тяжелых наказаний за «малые вины». Для борьбы с этим злом бывший священник предлагал, чтобы «едва бы не во всяком граде был свой епископ» для просвещения как духовенства, так и паствы. Прокуроров следовало «отставить» по причине их бесполезности; воевод же не надлежало оставлять в должности более 2-3 лет, а администрация при них должна быть выборная: «по 10 человек для розсылок и наряду по неделе по очереди». Дугин требовал введения принципа неприкосновенно-

сти личности: «без вины под караул не брать»; наблюдать за охраной прав граждан должен был местный протопоп. Затем «распопа» предлагал вообще запретить телесные наказания: «батожем бить отнюдь воспретить во всей империи». Он же считал: «быть полутче и народу полезнее», если будет сокращена подушная подать до 50 копеек с души; с безземельных дворовых, а также со стариков после 60 и с детей до 7 лет ее не следует брать совсем, как и с умерших.

Впрочем, расстриженный и сеченый каторжник считал крепостное состояние вполне нормальным явлением. Как и министры Анны, он был озбочен массовым бегством крестьян, для борьбы с которым предлагал сочетание экономических и «наглядных» мер. Так, за выдачу и привод беглых нужно учредить премию в 5 рублей, а самим беглым в качестве наказания отсекать большой палец на ноге и «провертеть» ухо; пойманным же во второй раз рубить ноги, «а руками будет на помещика работать свободно». В застенке Дугин ни в чем не винулся; напротив, он собирался продолжить свой трактат и объяснить Анне, «каким образом в рекруты брать и как в чины жаловать, и каких лет в службе быть», — но не успел. Четвертого апреля 1732 г. «прожектор» был казнен на Сытном рынке столицы.⁹⁵

Изложенные в этих проектах мысли касались тех же проблем, которые волновали шляхетское общество в 1730 г. Но новая власть не была намерена поощрять подобную инициативу ни сверху, ни снизу. В дальнейшем мы уже таких интересных документов по ведомству Ушакова не встречаем — они заменяются более привычным жанром «подметных писем». И совсем уж обычным материалом были для Тайной канцелярии многочисленные отзывы о правлении «женского пола» или о том, что государыня «телесно живет» с Бироном или с «фелтмаршалом графом фон Минихиным».

Безрезультатно завершились при Анне Иоанновне и усилия по составлению новых штатов государственных учреждений. Сенат обсуждал этот вопрос в 1732 г., потом в 1734 г., после чего он был отложен; только в 1739 г. Сенат передал в Кабинет штаты некоторых коллегий и контор. Кабинет летом 1740 г. вернул указанные документы на доработку, которая так и не завершилась до конца царствования. Как видно из сенатского доклада, и при решении этого вопроса ведомственные интересы не допустили централизации: Военная коллегия, Соляная контора, Генерал-берг-директориум, Медицинская коллегия и все дворцовые ведомства получили право самим утверждать свои штаты.⁹⁷

Правительственные решения, как и прежде, воспроизводили уже такие опробованные меры, как сокращение штатов в коллегиях, слияние учреждений (Берг- и Коммерц-коллегии), уменьшение жалования «приказным» на треть, выдачу его «сибирскими товарами» или вообще запрещение получать деньги до окончания расчетов с армией.⁹⁸ Такое «удешевление» замыкало порочный круг и оборачивалось проблемой хронического отсутствия нужного количества подготовленных кадров. Остававшиеся чиновники еле-еле могли обеспечить текущее управление и не имели возможности заниматься собственно выработкой государственной политики — для этого постоянно приходилось создавать вневедомственные комиссии.⁹⁹

Выход из этого тупика обычно отыскивался по принципу «тришкиного кафтана»: приказных забирали из одного места и перебрасывали в другое, где в данный момент нужда в них была самой острой. Поэтому случались ситуации, когда первые сановники империи лично перемещали подьячих из Ямской канцелярии в Тайную или решали, где именно надлежит работать секретарю Петру Зеленому, поскольку на него претендовали сразу две конторы. В итоге поступали мудро: «в Провиантской канцелярии... быть в неделю по 2 дня, а прочие 4 дня быть в Генеральном кригс-комиссариате».¹⁰⁰

По-прежнему донесения в Кабинет больших и маленьких администраторов содержат одни и те же жалобы на нехватку «подьячих».¹⁰¹ На подобные просьбы Кабинет неуклонно отвечал отказом — присылать было некого. Обычные наказания в виде штрафов, кажется, никого уже не пугали. Посланные для «понуждения» чиновников к скорейшему исполнению столичных приказов и «сочинению» необходимых справок и отчетов сообщали о том, что «секретари и приказные служители держатся под караулом без выпуска». То же иногда приходилось делать и их начальникам (как новгородскому вице-губернатору Бредихину) или платить немалые штрафы (по 50–100 рублей); но дело с места не сдвигалось: бывалые «подьячие» подобные начальственные наскоки «ни во что считали», а экономию на их жаловании с лихвой восполняли за счет всевозможных поборов. Проблемой оставался и уровень подготовки чиновников.

Хранящиеся в Герольдмейстерской конторе составленные в 1737–1738 гг. по указу Кабинета списки секретарей и канцеляристов коллегий и других центральных учреждений с краткими служебными характеристиками десятков низших чиновников представляют коллективный портрет российского «приказного». Конечно, в рядах бюрократии среднего и высшего звена были и заслуженные, прошедшие огонь и воду военных кампаний и бесконечных командировок люди — например секретарь Военной коллегии Петр Ижорин. Ему и другим чиновникам посвящены весьма похвальные отзывы: «служит с ревностию», «безленостно» и «в делах искусство имеет».

Но рядом с ними встречаются характеристики иного рода: «пишет весьма тихо и плохо»; «в делах весьма неспособен, за что и наказан»; «стар, слаб и пьяница»; «в канцелярских делах знание и искусство имеет, токмо пьянствует»; «всегда от порученных ему дел отлучался и пьянствовал, от которого не воздержался, хотя ему и довольно времени к тому дано» и т.п. Последняя «болезнь» являлась чем-то вроде профессионального недуга канцеляристов с обычным «лекарством» в виде багогов. Особо отличались неумеренностью приказные петербургской воеводской канцелярии, где в 1737 г. за взятки и растраты пошли под суд 17 должностных лиц. Из данных служебных характеристик следует, что в пьянстве «упражнялись» 2 из 5 канцеляристов, 2 из 2 подканцеляристов и 13 из 17 копиистов; последние отличались тем, что не только гуляли, но еще и «писать мало умели».¹⁰² Даже начальник всей полиции империи вынужден был просить Кабинет прислать к нему в Главную полицеймейстерскую канцелярию хотя бы 15 трезвых подьячих, поскольку имеющиеся «за пьянством и неприлежностью весьма неисправны».¹⁰³

На какие доходы можно было отлучаться и пьянствовать? Только старшие чиновники — секретари и обер-секретари — получали более или менее приличные деньги (порядка 400–500 рублей в год, а наиболее заслуженные, как упоминавшийся Петр Ижорин — 800), сопоставимые с доходами армейского полковника. Оплата труда канцеляриста составляла от 70 до 120 рублей в год; разброс в жаловании самой массовой категории, копиистов, был от высшего из указанных в списке в 90 рублей до низшего в 15 рублей, что сопоставимо с оплатой труда мастеровых, которм по причине ее недостаточности полагался еще натуральный паек.¹⁰⁴ Выходом были «безгрешные» акциденции, «наглые» хищения и более сложные комбинации с неизменным, в итоге, «участием» чиновника в прибылях казны, являвшиеся своеобразной компенсацией низкого социального статуса и убогого материального положения бюрократии.

Пожалуй, только смоленский губернатор А.Б.Бутурлин не только заступился за подчиненных, но и принципиально поставил вопрос о порочности существовавшей системы управления и контроля. В конце 1739 г. он прислал в Петербург один за другим два доклада. В первом губернатор объяснял: после разрешения в 1737 г. коллегиям и конторам штрафовать местные власти последние получили ... 54 контролирующие инстанции, каждая из которых посылала на головы губернаторов «угрозительные повеления». Выполняя одно, непременно приходилось откладывать другое; в результате у чиновников «нужнейшие дела из рук выходят и внутренним течением пресекаются»; можно было не выполнять ничего — штрафы все равно были неизбежны.

Второй доклад Бутурлина можно назвать настоящим трактатом «о невозможности счетов годовых сочинением» его подчиненных. Прежде всего, требовалось составить месячный «репорт», отправлявшийся не только в Камер-коллегию, но и в Сенат и еще в несколько мест. Затем ответственным за ведение счетов «приходчикам» необходимо было привести в порядок 16 книг («по форме» надо было и все 19) по каждому виду денежных поступлений, что «немалое мозголомство приносит от состоящих вновь форм». После чего надо было сдать еще 4 книги (по недоимкам и по расходам на новый год) своему преемнику вместе с наличной «денежной казной» ... и садиться сочинять годовой «репорт». Одновременно приходилось составлять всевозможные отписки и справки по требованию вышестоящих инстанций и прибывающих с очередным «повелением» офицеров под угрозой штрафов и сидения под караулом. В результате подведение финансовых итогов требовало не менее трех месяцев, в течение которых текущие дела «запускались».¹⁰⁵ Но это — только в том случае, если ответственные за финансовые документы чиновники были живы и здоровы, не угодили уже под следствие и не были отправлены к каким-либо срочным делам налетевшим из столицы гвардейцем.

При такой работе через руки подьячих с грошовым жалованием проходили порой колоссальные суммы. При несходстве счетов, а особенно при малейшем подозрении начиналась долгая волокита, а иногда и следствие, где виновными в итоге оказывались не начальники, а «стрелочники». Порой даже не отличавшийся милосердием в ту эпоху Сенат просил

императрицу простить какого-нибудь копииста Алексея Михайлова, который допустил в отчетности по сумме в 600 тысяч рублей «прочет» в 127 рублей и при этом был «нимало не корыстен», а ошибся исключительно «от великого приема и раздачи суммы».¹⁰⁶

Не менее страшно было для приказного попасть под гнев начальства. Только в 1739 г. был окончен суд над каширским воеводой Я.Баскаковым, виновным в убийстве канцеляриста; за то же был вызван к следствию воронежский вице-губернатор Лукин; в том же обвинялся и белгородский губернатор И.М.Греков. В Москве же президент Вотчинной коллегии А.Т.Ржевский и секретарь Обрютин прямо в «ассессорской камере» избили палками и плетьюми канцеляриста Максима Стерлигова, после чего его «содержали в цепях и в железах под коллежским крыльцом» за попытку разоблачения злоупотреблений чиновников Елецкой провинциальной канцелярии.¹⁰⁷ Даже в столичной Коммерц-коллегии ее чиновники могли получить «по щекам» или плевков в лицо от вспыльчивого президента П.П.Шафирова; назначенные туда коллежские советники публично спрашивали начальника, «будет ли он до них милостив».¹⁰⁸

Дела финансовые, или Как русские «немцев» посрамили

Повседневную работу государственной машины постоянно тормозила нехватка средств в нужном месте и в нужное время. Порой срочные расходы (как в 1726 г. на укрепление Кронштадта или в 1730 г. на погребение Петра II) заставляли Сенат и Камер-коллегию посылать гонцов в поисках денег, «где сколько во всех калегиях и канцеляриях и канторах есть». Каким образом потом проходил расчет между отдельными ведомствами и учреждениями — похоже, не было до конца известно никому, как и то, доходили ли деньги по назначению.

Отсутствие «единства кассы» сделало невозможным для современников (и для историков) точно учесть реальные потребности, доходы и расходы отдельных ведомств. Так, например, в непрерывно жаловавшейся на недостаточное финансирование Военной коллегии (сами военные оценивали долги государства перед ними за пять лет с 1724 г. в 2227057 рублей 57 и $\frac{3}{4}$ копейки¹⁰⁹) «штатская» комиссия князя Д.М.Голицына обнаружила регулярно объявлявшиеся каждый год «остаточные» суммы, складывавшиеся из невыплаченного жалования, «разных сборов», помимо подушной подати, сэконоленных на закупках сумм и т.д. и составившие за три года почти 6 с половиной миллионов рублей, не считая стоимости хранившегося в армейских «магазинах» провианта и фуража.¹¹⁰ В декабре 1727 г. Сенат признал, что так и не смог собрать сведения о финансовых распоряжениях Меншикова, и «непорядочные из казны расходы» по приказам уже сосланного вельможи продолжались.¹¹¹

В июле 1726 г. именным указ Екатерины I даже не требовал, а просил Камер-коллегию составить «табель» приходов и расходов за 1725 г. или «по нужде хотя 1724 или 1723 из сих одной которойнибудь сочинить».¹¹² Но при жизни Екатерины этого так и не удалось сделать. На указы Камер-коллегии о взыскании недоимок с мест отвечали (как это сделали в марте 1725 г. комиссар и

камерир Севской провинции), что и для текущих дел подьячих не хватает, а их еще отнимают «к переписным делам». Внушения из центра обходиться теми служащими, «кто в оной провинции ныне обретаются», как и привычные угрозы штрафов с воевод «по полтине на день» ничего не могли изменить. Камер-коллегия, в свою очередь, получала от Сената выговоры за отсутствие ведомостей и столь же строгие, сколь и неисполнимые требования составить «окладную книгу», т. е. роспись всех доходных статей бюджета, в 7 дней.¹¹³

Только к осени 1727 г. Камер-коллегия представила полную ведомость расходов за 1724 г., включая самые мелкие «неокладные» статьи — такие, как выдачу 219 рублей 70 копеек фискалам и прочим «доносителям» или 6079 рублей на воспитание «беззаконно рождающимся младенцем». Но при этом коллегия так и не нашла точных сведений о судьбе истраченных 233835 рублей, относительно которых «известий не имеетца и по репортам отдачи не написано».¹¹⁴

Отсутствие необходимых средств проявилось с первых дней нового царствования. В 1732 г. Сенат подсчитал, что накопившиеся с 1719 г. недоимки составили 7 млн. рублей только по таможенным, кабацким и так называемым канцелярским сборам.¹¹⁵ По-прежнему оставались запутанными финансовые отношения между учреждениями. Один из еженедельных докладов Сената от 17 сентября 1732 г. сообщал: Штатс-контора не считает возможным выдать деньги из Монетной конторы на жалование служащим Ревизион-коллегии, «доколе та контора с Штатс-конторою возымеет счет». Штатс-контора вместе с Камер-коллегией не могут выплатить 270430 рублей на содержание полков в иранских провинциях, поскольку эти чрезвычайные расходы повелено производить только из таких же «не положенных в штат» доходов, коих, во-первых, в нужном количестве «никогда в настоящих годах не собирается»; во-вторых, внештатные доходы уже были расписаны «по посланным указам» на другие нужды.¹¹⁶

Количество таких «неокладных» расходов достигло в 1732 г., по данным за подписью обер-прокурора Сената А.Маслова, 2740947 рублей,¹¹⁷ что составляло порядка трети всего бюджета. Они включали в себя расходы не только на войну в Иране, но и, согласно тому же документу, на содержание новых полков гвардии, «пенсии» знатным иностранцам и вдовам иноземцев, находившихся на русской службе, завершение строительства Ладожского канала, ремонт крепостей, «ружные» выдачи церквям и монастырям и прочие большие и маленькие выплаты. Например, известный маскарад с «ледяным домом» обошелся в 1740 г. вместе с «привозом народов, зверей и скотов» почти в 10 тысяч рублей.¹¹⁸ От года к году суммы менялись, но неуклонно имели тенденцию к увеличению.

Расходы на «Низовой корпус» не прекратились и после вывода его из Ирана, поскольку полки не были расформированы. В феврале 1737 г. Военная коллегия в очередной раз пожаловалась на Штатс-контору, которая не перечислила средств. Кабинет распорядился деньги выплатить. Но в марте последовала новая жалоба военных; министры вновь, уже «наиболее жесточайше», повторили прежнее указание. В ответ Штатс-контора разъяснила: сами кабинет-министры велели содержать эти части за счет «таможенных доходов», а также поступлений с Украины, из Коллегии

экономии и других «остаточных» статей; но теперь «вышеписанных доходов деньги в Статс-контору не приходят». Далее контора напоминала, что по прежним указам доходы от продажи казенных железа и меди остаются в Коммерц-коллегии, от торговли ревенем — у Медицинской канцелярии; к тому же командующие армиями Миних и Ласси постоянно требуют денег, и все свободные средства уходят на «турецкий фронт».

На такое разъяснение министры, хоть и обиделись («из того ничего подлинного выразуметь невозможно»), но смогли только порекомендовать конторе «изыскать способы» найти деньги совместно с Сенатом. Опытные сенаторы, постоянно сталкивавшиеся с подобными заданиями, выход нашли. В Петербурге обнаружили 15 тысяч рублей, из московских канцелярий и контор выгребли еще 35 тысяч, а затем взяли «заимобразно» из Монетной конторы еще 50 тысяч и в итоге обеспечили необходимые текущие выплаты.¹¹⁹

Подобные финансовые подробности являются типичными для всей финансовой системы той эпохи. Несовершенство налоговой службы и децентрализация сбора и расходования средств постоянно порождали такие ситуации, когда все участвовавшие стороны были правы и найти виновного было невозможно. Опытный начальник Статс-конторы Карл Принценстерн ничем не рисковал и, несмотря на бесчисленные «наижесточайшие» указы и выговоры, благополучно возглавлял свое ведомство с петровских времен до самой смерти в 1741 г. — вероятно, как раз потому, что был способен ориентироваться в дебрях ведомственных касс и вовремя «доставать» необходимые суммы.

Поэтому неудивительно, что правительство Анны поставило перед собой задачу упорядочить финансовую неразбериху. Прежде всего, власти намеревались ужесточить сбор налогов и взыскать недоимки. В 1730 г. перед Сенатом вновь была поставлена задача составить «государственную о всех доходах книгу». Третьим направлением «битвы за финансы» стали попытки проконтролировать прежние расходы путем проверки счетов всех учреждений и составить их твердые штаты.

Новых подходов к решению этих задач министры предложить не смогли, тем более что «Комиссия о подати» князя Д.М.Голицына прекратила работу с «падением» Верховного Тайного совета. Все принципиальные основы петровской финансовой системы были сохранены, даже возобновлен сбор подати при помощи военных команд по петровскому «Плакату» 1724 г. Для успешного сбора недоимок по другим статьям Камер-коллегию разделили на две — старую и новую; последняя должна была сосредоточить свои усилия на сборе текущих поступлений и не «запускать» их.¹²⁰ Через год военные приступили к сбору недоимок: «В случае непривоза денег в срок полковники вместе с воеводами посылают в незаплатившие деревни экзекуцию», согласно регламенту Камер-коллегии 1731 г. Но, как в 1727 г., эта практика была опять отменена в 1736 г. по тем же причинам: поборы, взятки и злоупотребления сборщиков росли вместе с недоимками, что констатировал очередной указ.¹²¹

Ужесточение сбора недоимок, помимо прочего, означало и наступление на интересы дворянства, поскольку виновными в неуплате по закону становились владельцы крестьян. Составленная в 1737 г. по требованию

Кабинета «Ведомость о имеющемся недобору на знатных и других» показала, что первыми неплательщиками были сам кабинет-министр А.М.Черкасский (за ним числились недоимки в 16029 рублей), сенаторы (7900 рублей), президенты и члены коллегий (16207 рублей), генералитет (11188 рублей) и прочие «знатные» (445088 рублей).¹²² В итоге кампания по сбору недоимок закончилась провалом; к концу царствования их сумма (только по подушному сбору) составляла, по мнению занимавшегося этим вопросом исследователя, 1623 тысячи рублей.¹²³

Решение второй и третьей задачи сразу оказалось Сенату не под силу. Завершение «окладной книги» было перенесено сначала на 1732, потом на 1733, а затем так и тянулось вплоть до конца царствования Анны, тем более что многие присланные с мест ведомости сгорели в московском пожаре 1737 г.¹²⁴ В августе 1740 г. Сенат в очередной раз доложил о своих усилиях, а Кабинет, — уже, видимо, не надеясь на успех, — признал, что с делом «исправиться невозможно», и точного срока больше не назначал, а только напоминал о необходимости окончить работу в обозримом будущем.¹²⁵

В исследовании, специально посвященном состоянию финансов в царствование Анны, также отмечалась безуспешность усилий правительства в этой сфере. Автор объяснял ее прежде всего некомпетентностью провинциальных администраторов, которые «не могли и не умели составить бухгалтерской отчетности».¹²⁶ Однако изучение материалов Кабинета министров показывает, что у чиновников были и другие причины.

С самого начала Сенат и Кабинет столкнулись с настоящей системой саботажа всех правительственных инициатив по наведению порядка в этой сфере. Ревизион-коллегия в мае 1732 г. докладывала Сенату: при попытке собрать и проверить отчетность за 1726 г. коллегии и конторы прислали счета «неисправные», из которых «о суммах приходу и расходу видеть было нельзя». Далее перечислялись уловки, при помощи которых достигался этот эффект: чиновники ссылались на исчезнувшие документы или на отсутствие ответственного за «счета» лица, уже давно скончавшегося или отбывавшего срок; в других учреждениях составлялись бумаги за подписью мелких клерков, а не руководства; третьи действовали по принципу «подписано — и с плеч долой» и категорически отказывались принимать «неисправные» документы обратно. Наиболее невразумительными отчетами отличалось самое «затратное» военное ведомство: присланные им бумаги оказались «весьма неисправны, а против прихода и расхода написаны недостатки, и в прочем одни с другими смешанные, отчего не только впредь, но ныне произошла камфузия».¹²⁷ Мы должны признать эти выводы справедливыми, поскольку при разборе архивных документов по финансовой отчетности уразуметь их смысл и систему подачи цифр бывает порой весьма мудрено, а сопоставить с показателями других лет — часто невозможно.

Точно так же тормозилось и составление «окладной книги» — еще и потому, что правительство потребовало от местных властей сведений о сборе податей начиная с 1719 г. На требование Камер-коллегии подать «на каждое место и звание доходам от губернаторов по третям, а о подушном сборе в полгода подробные репорты» чиновники притворялись непонятливыми

— или и в самом деле не были в состоянии постичь правила бухгалтерской отчетности. Начальство получило «о таможенных и прочих сборах месячные, а не третные репорты, писанные по прежним формам;... а со штабных дворов земские комиссары присылают о подушном сборе полугодовые репорты не по посланным же формам». На посылку же «новых форм» на местах либо не реагировали вообще, либо оправдывались, что их не получали, и действовали по «прежним указам»; либо докладывали, что «в скорости сочинить никоим образом не можно, ибо за раздачами приказных служителей в разные команды и в счетчики, осталось самое малое число». В итоге — о доходах «коллегия никакого известия не имеет, и для того генеральной ведомости сочинить не из чего».¹²⁸

Немногом лучше была ситуация и с расходами. В 1732 г. Сенат смог составить ведомость «окладным» и «неокладным» тратам с 1725 по 1731 г. Эта сводка дает некоторое представление о наметившейся тенденции сокращения расходов в послепетровской России.¹²⁹

Годы	Расходы «окладные» (рублей)	Расходы «неокладные» (рублей)	Итого (рублей)
1725	4428867	1209098	5637965
1726	3182068	1436869	4618937
1727	2820600	1468544	4289144
1728	2548737	940294	3489031
1729	2853161	801397	3654558
1730	2345000	1485738	3830738
1731	2307769	1251085	3558854

Однако речь идет именно о тенденции, поскольку приведенные выше цифры являются далеко не полными и охватывают от половины до трети реального бюджета. Чиновники Штатс-конторы посчитали даже мелкие расходы — например, на строительство «ердани» на крещенском параде, содержание «ззорных младенцев» или «за объявление монстров»; но зато они вообще не смогли указать расходы по Военной коллегии и Коллегии иностранных дел за 1730 г. Не всегда приведены данные о выплатах на медицину, Морскую академию, сведения о «пенсиях» и выдачах «в тайные и нужные расходы».

Власти не смогли предложить ничего, кроме грозных указов и создания новых административных органов в помощь уже существовавшим. Так появилась Генеральная счетная комиссия с задачей «ревизии» счетов всех правительственных «мест» начиная с 1719 г. Но гора родила мышь: к 1736 г. новая комиссия рассмотрела только 78 счетов и вернула казне 1152 рубля, что, по официальной оценке, было меньше, чем зарплата ее персонала за эти годы.¹³⁰ Указ 1735 г. признал неэффективность работы и Ревизион-коллегии, в которую прочие учреждения не присылали вовремя счета. Не была преодолена и ведомственная разобщенность: от ревизии были освобождены гвардия и придворные службы; свои счетные экспедиции сохранялись в Военной коллегии, Камер-коллегии по таможенным доходам и при Ге-

нерал-кригс-комиссариате.¹³¹ Об успехах работы последних говорит опыт военного ведомства: в августе 1737 г. Кабинет указал, что армейские ревизоры за 7 месяцев проверили только 6 счетов из имевшихся 115, а остальные 364 еще даже не были ими получены.¹³²

Отсутствие действенного контроля приводило к тому, что уже собранные и направленные по назначению средства и материальные ценности исчезали неизвестно куда. Хорошо, если такие вещи обнаруживались сразу, как в Новгородской губернии, где по вине «верных сборщиков» в 1736 г. пропали 11 тысяч рублей обранных денег: хотя бы виновные были налицо.¹³³ Когда же недостачи обнаруживались через несколько лет, то спросить было уже не с кого. Например, фельдмаршал Миних докладывал, что по ведомству его же фортификационной конторы в г. Выборге кондуктор З.Маршалков допустил в 1733 г. растрату казенной извести и прочих материалов на 4417 рублей. Выяснилось это только семь лет спустя, когда и сам виновный, и обер-комендант крепости генерал-лейтенант Де Колонг уже умерли. Пострадали лишь наследники кондуктора, с которых казне удалось взыскать 65 рублей 15 копеек; за семейство начальника вступился ... сам же Миних, оправдывая действия генерала «единой простотой и не довольным знанием приказных порядков».¹³⁴

Даже когда дело было абсолютно ясным, оно могло тянуться годами, как история дворянина-рядового Ингерманландского драгунского полка Андрея Тяпкина. В 1730 г. он был отправлен в качестве «счетчика» в Белгородскую губернию и должен был доставить из губернской канцелярии в Москву 2732 рубля 42 копейки. По приезде из суммы «не явилось» 391 рубль и 83 с половиной копейки. Куда и каким образом они исчезли, документы умалчивают; но Тяпкин спорить не стал и в возмещение тут же предоставил ...70 рублей, заявив, что больше у него нет. У виновного описали имение из трех «жеребьев» и 11 душ в двух деревнях Костромской провинции (как и многие мелкие помещики, драгун владел этими деревнями совместно с другими такими же служивыми) и оценили его в 466 рублей. Затем дело оставалось без всякого движения до 1734 г., когда Тяпкин доложил Сенату, что на имение «купца и закладчика не сыскал», и просил сенаторов самим продать его «жеребьи». В итоге еще через год Сенат взял эту задачу на себя, а драгун отправился продолжать службу в армии на Украине.¹³⁵

Эта история показывает не только весьма либеральные понятия о финансовой дисциплине, но и то обстоятельство, что при неразвитости товарных отношений реализовать на рынке земельную собственность было не так просто. При недостаточном, да еще и не выдававшемся жаловании даже такие крохотные владения служили источником существования мелкопоместных дворян, для которых так важны были право раздела имущества и отмена петровского единонаследия.

Даже в резиденции грозной императрицы процветали бесхозяйственность и «наглые» хищения. В 1740 г. обнаружили «непорядки» в Канцелярии от строений и в придворной садовой конторе, возглавлявшихся к тому моменту опять-таки уже покойным гоф-интендантом Антоном Кармедоном. Здесь речь уже шла о сумме в более чем миллион рублей, по

которой не было вообще никакой отчетности, поскольку «приходы и расходы многие чинили по словесным приказам его, Кормедона, и без расписок; и партикулярным людям деньги даваны были на ссуду»; т.е. гоф-интендант в течение нескольких лет свободно распоряжался казенными деньгами как своими собственными и даже раздавал их под проценты.

Следствие сразу обнаружило недостачу около 10 тысяч рублей, но доложило, что для завершения «надлежит со 100 счетов сочинить, а за вышеписанными непорядками и неисправностями оных вскоре сочинить... ни по которой мере невозможно». В своей резолюции по докладу Анна прикинула, что такие проверки «разве что в 10 лет окончаны быть могут», и велела ограничиться составлением тех счетов, «где можно отыскать виновных», и то таких, которые «сами или их наследники имеют свои имения и, ежели явятся начеты, платить в состоянии».¹³⁶

Так же случайно раскрылось в 1736 г. дело о воровстве и подлогах чиновников столичной «городовой канцелярии», уличенных в многочисленных взятках с подрядчиков и приписках о якобы сделанных ими для благоустройства города работах. Императрица была возмущена даже не столько тем, что они «сие свое воровство чрез многие годы, не преставучи, продолжали», сколько просьбой Сената о смягчении наказания и невзыскании «взятков». Рассерженная Анна указала сенаторам: «Разве нагло казну нашу разворовывать не в воровство вменяется?»¹³⁷

Наконец, деньги можно было просто не платить. Опытные откупщики и иные держатели казенных статей всегда это учитывали и вовремя докладывали, какой именно ущерб они понесли от карантина, военных действий или других непредвиденных обстоятельств, не забывая просить об уменьшении платежей. В других случаях спросить было опять же не с кого. В 1739 г. откупщик московских мостов Степан Буков жаловался Кабинету, что за провоз казенных грузов ему никто ничего не платил и ему приходится возмещать «недобор» в 10 тысяч рублей. Незадачливый откупщик сочинил по делу 85 (!) «доношений», но начатое следствие погрязло в бесчисленных счетах между ведомствами и конторами.¹³⁸

На практике составить точную картину состояния финансов оказалось невозможно. И дело было не только в хищениях. Деньги (с опозданиями и не полностью) приходили в разные кассы, куда (а иногда совсем не туда же, а в другие места) позднее более или менее успешно доставлялись доимки за разные годы; порой это были весьма крупные суммы — например, 58 тысяч рублей, взысканные гвардейским поручиком И. Егуповым-Черкасским с одной только Нижегородской провинции в 1738 г., или 400 тысяч рублей, пополнившие флотский бюджет и частично возместившие накопившиеся к 1735 г. недоимки в 1434961 рубль.

Далее вступала в действие система «заимобразных» зачетов, когда нужные средства изыскивались из сумм другого ведомства и затем могли годами не возвращаться. В 1740 г. за Штатс-конторой состоял долг в 500 тысяч рублей, которые были взяты еще два года назад из Соляной и Монетной контор, но так и не были возвращены. Насколько далеко заходили счета между учреждениями, показывают постоянные конфликты с той же конторой Военной коллегии. В 1739 г. генералы в очередной раз жало-

вались на неуплату им огромной суммы в 710746 рублей; но штатские чиновники полагали, что должны только 1000 рублей, и платить отказались. Не имевший никакой возможности рассмотреть дело по существу Кабинет, как обычно, отправил бумаги обратно с требованием «учинить счеты» и найти деньги. Дело, как обычно, разрешилось компромиссом: Штатс-контора тут же где-то отыскала 200 тысяч рублей, а просьбу выдать недостающее отправила «наверх» — к императрице и находящимся в ее распоряжении суммам Соляной конторы.¹³⁹

Аппетиты ведомств и соответствующие «неокладные» расходы постоянно возрастали, как можно убедиться на примере Коллегии иностранных дел. Дипломатическое ведомство в 1740 г. указало, что теперь ее расходы «выходят более» установленного «оклада» в 20 тысяч рублей, и просило увеличить его до 25 тысяч; кроме того, постоянно требовались чрезвычайные суммы на «презенты» чужеземным послам и «пенсии» различным лицам, оказавшим русскому двору услуги. Огромные средства уходили на прием пышных восточных посольств. Так, дружба нового союзника — иранского шаха Надира — обошлась при приеме его послов в 1736—1739 гг. в 110 тысяч рублей; в 1740 г. содержание и «отпуск» нового посольства Хулеф-мирзы стоили еще 28500 рублей.¹⁴⁰

Наконец, центральный аппарат не имел реального представления о том, сколько и каких сборов должно было поступать в казну. Недостатки подушной переписи сказались еще при жизни ее создателя. Но и с учетом других поступлений дело обстояло не лучше. Так, Камер-коллегия доложила в 1737 г., что не имеет сведений о количестве кабаков и винокурных заводов в стране по причине неприсылки соответствующих ведомостей. В ответ Анна гневно выговорила министрам, что «самонужное государственное дело» тянется уже полтора года и конца ему не видно.

Сенатский доклад августа 1740 г., подводивший итог десятилетним усилиям по составлению «окладной книги», указал еще на одну важную причину чиновничьего саботажа: местные начальники не желали показывать «ясного о тех окладах и сборах обстоятельства», поскольку многие «не только в окладе неположными оброчными статьями секретари и подьячие сами владели, но и из окладных оброчных статей, противно присяге и должности, под видом откупов за собой держали».¹⁴¹

Это означало, что имевшиеся в городах и уездах источники казенных доходов в виде мельниц, рыбных ловель, мостов и перевозов, «отдаточных» казенных земель и т.д. были успешно «приватизированы» местными приказными; официально же они значились сданными в откуп (на сумму гораздо меньшую, чем реальный доход) или просто лежащими «впусте». Отдельные дошедшие до столичного расследования дела показывали, что в присвоении этих средств была вовлечена буквально вся местная администрация во главе с губернатором. В итоге одного расследования оказалось, что оброчная сумма с казенных земель в 1482 рубля «превратилась» в 162 рубля 71 копейку — именно столько получило государство; остальное пошло в карман белгородскому губернатору И. М. Грекову, задолжав «приватизированному» и обширные сенные покосы. Порой даже гвардейцы, прибывавшие с «понуждениями», не знали, что в таких слу-

чаях делать: документацию от них прятали, сам губернатор отпралялся «в поле с собаками», а другие чиновники — «по хуторам своим».¹⁴²

Проблема состояла в том, что установить реальную величину возможных налоговых поступлений можно было только путем повсеместной ревизии таких доходных мест с выяснением: сколько их убыло и прибыло, что действительно лежит «впусте» и сколько реально можно получить денег от каждой сданной мельницы или другой откупной статьи. Но если даже сбор основного прямого налога встречал неодолимые трудности, то для решения столь масштабной задачи правительство и подавно не имело никакой возможности. В итоге государство получало с таких оброчных статей и пошлин едва половину предполагавшегося «оклада».¹⁴³

Вероятно, мы были бы благодарны «немецкому» правительству Анны Иоанновны, если бы ему удалось навести хоть какой-то порядок в российских финансах. Нам встретилось в бумагах Кабинета только одно упоминание об успехе: в 1739 г. была составлена «генеральная табель» доходов и расходов на один только 1737 г., из которой следовало, что дефицит бюджета составлял 619 444 рубля.¹⁴⁴

В политической сфере новый механизм оказался довольно устойчивым. Но на управленческом и финансовом поприще «бионовщина» потерпела поражение от отечественных «приказных». Напрашивается даже непатриотическая мысль: может быть, для наведения порядка в делопроизводстве надо было импортировать больше немецких чиновников? Ведь их было не так уж много для эпохи «немецкого засилья»; некоторые из них продолжали успешно служить России и при Елизавете Петровне, как Кейзерлинг или Корф.¹⁴⁵

Для достижения поставленной Петром Великим цели создания «регулярного» государства понадобилась еще целая историческая эпоха; в рассматриваемый период удалось продвинуть лишь те новации, условия для осуществления которых «дозрели». Так, можно отметить передачу в 1738 г. Коллегии экономии из Синода в Сенат, что означало еще один шаг в наступлении на самостоятельность церкви, и назначение прокуроров в коллегии и губернии.

В 1733 г. в 23 российских городах появились полицейские команды, подчиненные Главной полицеймейстерской канцелярии во главе с генерал-лейтенантом В.Ф.Салтыковым. Было бы интересно ответить на вопрос, насколько петровские реформы с их «ревизией», налогами и солдатчиной ухудшили криминогенную обстановку в стране, — это ведь тоже своеобразная «цена» форсированной модернизации.¹⁴⁶ Охранять порядок и «благочиние», действительно, было необходимо — особенно в крупных городах с наплывом нищих, поденщиков, «дворовых», слуг и обитателей городского «дна». Но и здесь возникали трудности. В 1736 г. Кабинет обратил внимание, что в полицию приходится зачислять строевых солдат и офицеров, что в условиях начавшейся войны увеличивало «некомплект» в полках. Поэтому на практике горожане сами по разрядке выходили «на дежурство» по охране порядка от воров и грабителей.

Не показывает ли провал финансовой «реформы» нового правительства, что «пересадка» (даже с учетом всех ее корректив) шведской модели управления при Петре несколько опередила свое время; что форсирован-

ная попытка централизации наткнулась на отсутствие подготовленных для нее условий, «недозрелость» государственных и общественных структур? Попытка преодоления этой неготовности «строгостью» была способна только дестабилизировать и без того далеко не эффективную систему управления и контроля, о чем и докладывал губернатор Бутурлин.

Марш на Царьград

Финансовые проблемы заставили подумать об изменениях даже в самых знаменитых и удачных из петровских нововведений — в армии и на флоте. По современным подсчетам, эти институты хронически недофинансировались: недоимки составляли по армии от 6 до 30 %; по флоту — 24 % в год. Строившиеся из сырого леса корабли быстро приходили в негодность: из 36 линейных кораблей полностью боееспособными осталось к началу 30-х гг. только 8. Созданная в 1732 г. «Воинская морская комиссия» вместе с Сенатом пришла к выводу о необходимости отказаться от петровской программы строительства больших военных кораблей в запертом Балтийском море. В докладе Сената флоту отводилась более реалистичная вспомогательная роль обороны побережья от наиболее вероятного противника — Швеции, и «по пропорции опасности» строить надлежало преимущественно средние по классу 66-пушечные суда.¹⁴⁷

Реформы в послепетровской армии вызывали различные оценки. В советской литературе можно встретить скорее отрицательные суждения о них как о «возвращении к прошлому» (какому?), утверждения «плац-парадной муштры» и копировании немецких образцов. В то же время военные историки позапрошлого века оценивали их более дифференцированно. Фельдмаршалу Бурхарду Миниху удалось объединить в рамках Военной коллегии громоздкую систему управления, насчитывавшую 7 канцелярий и контор, что можно считать скорее шагом вперед в процессе централизации. Основанный им же кадетский корпус стал не только школой подготовки офицерских кадров, но и одним из важнейших учебных заведений России той эпохи.

Другие же преобразования были менее удачны. Строительство протяженных укрепленных линий на Украине и в других местах потребовало огромных средств и не всегда могло предупредить татарские набеги — как, например, зимой 1736/1737 гг. Новые правила предусматривали преимущественно обучение неприцельной стрельбе в ущерб штыковой атаке. Увеличение артиллерийского парка вдвое снизило его мобильность и привело к разнообразию калибров пушек. Появление тяжелой кавалерии (кирасирских полков) способствовало улучшению коннозаводства, но также обошлось весьма дорого и оказалось бесполезным на театре военных действий против турок и татар.¹⁴⁸ Последние меры вроде бы свидетельствуют о стремлении быстрее «европеизировать» русскую армию по европейским стандартам; но в конкретных условиях России это было не всегда разумно, как и расходы на новую форму, и введение «пуклей с косами».

Что же касается привлечения иностранцев, то, как уже не раз отмечалось, именно при Анне они потеряли право на двойное жалование по сравнению с русскими офицерами. Кроме того, в 1733 г. иноземных офице-

ров было запрещено определять без доклада императрице; в 1735 г. «немцам» (прежде всего прибалтийским) запретили после отставки возвращаться на службу с новым чином.¹⁴⁹ Но, так или иначе, эти реформы закрепляли взятый при Петре курс на строительство военной империи: к концу правления Анны армия составляла почти 7 % населения, в полтора раза превосходя по численности торговцев и ремесленников.¹⁵⁰

В отличие от расходов на флот, которые с тех пор оставались до конца эпохи стабильными, сократить армию не удалось. «Бироновщина» успешно продолжила традицию имперской внешней политики. По мнению исследователей, с начала 30-х гг. можно говорить о «новой доктрине» внешней политики, определившей ее курс на 50 лет вперед. Главным его содержанием стала смена направления: отказ от дальнейшей экспансии на Балтике во имя активного утверждения русского влияния в соседней Польше и наступательных действий против Турции и Крыма.¹⁵¹

В начале царствования Анны российская дипломатия покончила с «голландской» проблемой: Россия и Австрия подписали в 1732 г. договор с Данией, по которому последняя соглашалась выплатить голландскому герцогу миллион талеров в качестве компенсации за утраченные им земли; в случае отказа союзники не имели больше по отношению к нему никаких обязательств. Изменилась к началу 30-х гг. и ситуация в европейском «концерте». Ценой уступок (в частности, ликвидации собственной морской торговли) Австрия добилась восстановления в 1731 г. союза с Англией. Новая комбинация означала распад враждебного России и Австрии Ганноверского союза, в результате чего международную ситуацию на Западе все больше стало определять разрастающееся соперничество двух крупнейших колониальных держав — Англии и Франции.

Для России это означало, прежде всего, выход из изоляции, нормализацию отношений с Англией, завершившуюся заключением в 1734 г. торгового договора между двумя странами. Попытки французской дипломатии воздействовать на фельдмаршала Миниха и «оторвать» Россию от англо-австрийского союза окончились провалом. Французскому правительству нечего было предложить возможному партнеру, поскольку оно категорически отказывалось от каких-либо союзнических обязательств по отношению к Польше и Турции — а именно там сходились интересы России и Австрии.¹⁵²

Проверкой для союзников стал разразившийся в Польше в связи со смертью в феврале 1733 г. короля Августа II кризис. Впервые была опробована ставшая затем обычной тактика вторжения русских войск в Польшу с целью поддержки нужного кандидата на польский престол. С помощью этих мер королем был утвержден сын покойного, саксонский курфюрст Август III.

Новые горизонты европейской политики и согласованные действия союзников в Польше поставили на очередь следующий шаг: реванш за Прутский поход — наступление на Турцию. Осенью 1733 г. фельдмаршал Миних представил план подготовки к «предбудущей кампании» южного театра боевых действий: складов провианта, осадного оборудования, транспортных средств. По сообщению английского консула Рондо, русское правительство принципиально решило вопрос о будущей войне уже

в начале 1734 г.¹⁵³ Но в Польше затянулись военные операции против сторонников Станислава Лещинского; к тому же надо было окончательно решить проблему закаспийских территорий и урегулировать отношения с Ираном, выходящим из полосы кризиса и внутренних войн.

В июне 1730 г. главнокомандующему генералу В.Я.Левашову и отправленному к нему на помощь П.П.Шафирову было поручено «склонять» нового правителя Ирана Надира к заключению договора на прежних условиях; в крайнем случае разрешалось уступить в обмен на союз земли «до Куры реки». В конце того же года было решено вернуть Ирану все занятые прежде провинции за «вольность в торговле» и чтобы не допустить турок к берегам Каспийского моря.¹⁵⁴ В иранском лагере под Гянджей в мае 1735 г. русский посол С.Д.Голицын подписал окончательные условия мира: новый властитель Ирана обязался быть постоянным союзником России и бороться с турками, а русская сторона возвращала в двухмесячный срок территорию Азербайджана и Дагестана с Баку и Дербентом.

С трудом Россия вышла из одной войны, чтобы немедленно начать другую. Союзники действовали несогласованно, русские армии два года подряд совершали изнурительные марши в Крым, откуда были вынуждены уходить из-за жары, болезней и отсутствия провианта и фуража. В 1738 г. под угрозой эпидемии русские войска ушли с берегов Черного моря и оставили только что завоеванную крепость Очаков. Только в 1739 г. главнокомандующий Миних наметил оправдавший себя впоследствии маршрут через Молдавию прямо в турецкие владения на Балканах и даже заключил с молдавским господарем договор о переходе в русское подданство.

Однако наметившийся после сражения при Ставучанах оперативный успех развить не удалось: как раз в это время австрийцы были разбиты под стенами Белграда и вынуждены были заключить мир ценой потери всех территорий, завоеванных к 1718 г. Император Карл VI бросил в тюрьму своего фельдмаршала Валлиса и заключившего мир графа Нейперга; но воевать в одиночку Россия не была готова, несмотря на возмущение Миниха.¹⁵⁵ По Белградскому договору, условия которого от имени русского правительства согласовывал в Константинополе французский дипломат, Россия не получила ни выхода к морю, ни права держать там свой флот; ей достались только Азов без права строить там укрепления и полоса степного пространства к югу вдоль среднего течения Днепра.

В литературе не раз назывались ошибки русского командования и не жалевшего солдат и офицеров Миниха: бесплодные вторжения в Крым по образу походов конца XVII века, плохая организация, огромные обозы, неуклюжие построения войск в виде огромного каре. Не лучшим образом действовали и дипломаты: сначала на начавшихся уже в 1737 г. переговорах они «запросили» слишком много — все Северное Причерноморье до Дуная вместе с Молдавией и Валахией под русским протекторатом. Такие аппетиты вызвали несогласие не только турок, но и союзников-австрийцев, и в итоге переговоры были сорваны. Зато потом, в 1739 г., в Петербурге русские слишком поспешно согласились на невыгодные условия мира: Россия даже не могла вести торговлю на своих кораблях, что разрешал договор 1700 г.¹⁵⁶

Однако надо иметь в виду, что решительная переориентация внешнеполитического курса и переход на новый театр военных действий не могли пройти безболезненно. Внешнеполитический курс проводился достаточно целенаправленно и последовательно. Но иные условия ведения наступательной войны на огромных пространствах, необходимость координации действий на разных фронтах, учет международной ситуации и состояния противника — все это требовало известного опыта, приобретение которого подготавливало почву для будущих успехов времен Екатерины. Только цена этого опыта оказалась высока, а слава досталась уже другим. Стоит отметить и еще одно последствие имперских амбиций: «мирная» внешняя политика также стала намногом дороже — за счет приема многочисленных посольств и всевозможных чрезвычайных выплат.¹⁵⁷

Параллельно с «польским» и «турецким» направлением активизировалась политика России на восточных рубежах — для выполнения поставленной Петром I задачи: «Оная киргиз-кайсацкая орда степной и легкомысленной народ, токмо де всем азиатским странам и землям оная орда ключ и врата; и той ради причины оная орда потребна под российской протекцией быть».¹⁵⁸ В феврале 1731 г. Анна подписала «жалованную грамоту» хану Младшего казахского жуза Абульхаиру о принятии его в российское подданство с обязательством «служить верно и платить ясак». Следующим шагом стало строительство Оренбургской крепости и укрепленной линии, которая должна была сомкнуться с Иртышской линией в Сибири и оградить новые российские владения на протяжении 3 тысяч верст.

На северо-востоке Азии продолжались грандиозные по размаху работы Великой Северной экспедиции В. Беринга по изучению и описанию северных владений России. Как и при Петре, продвижение на восток сопровождалось установлением новой российской администрации и усилением эксплуатации коренного населения. Там, где оно приобретало отчетливо колониальный характер с конфискацией или передачей частным лицам огромных массивов земель, как в Башкирии, вспыхивали восстания, беспощадно подавлявшиеся.

1740 г.: итоги царствования

Экстенсивное освоение богатейших природных ресурсов восточных регионов давало толчок дальнейшему развитию российской промышленности. За время аннинского царствования в стране появилось 22 новых металлургических завода. Россия увеличила производство меди до 30 тысяч пудов (по сравнению с 5500 в 1725 г.) и заняла прочные позиции в торговле уральским железом на мировом рынке. Экспорт железа из Петербурга за 10 лет увеличился в 4,5 раза и составлял в 1740 г. 28014 шиффунтов против 5911 в 1730 г.¹⁵⁹ Вместе с продукцией новых отраслей промышленности рос экспорт пеньки, льняной пряжи и других товаров.

Экономическая политика этого периода представляет собой отдельную тему, еще нуждающуюся в изучении. Но и имеющиеся данные позволяют говорить, что эта политика стала более гибкой, чем в петровское время, хотя ее принципы кардинально не менялись: государство, как и прежде,

оставалось главным контролером, покупателем и заказчиком промышленной продукции. Это покровительство обеспечивало стабильный рост; даже в годы русско-турецкой войны правительству уже не надо было прибегать к принудительной мобилизации экономики на военные нужды.

При этом «немецкое» правительство вовсе не стремилось ослабить русскую промышленность или подчинить ее иностранцам — даже в сфере металлургии, где начальствовал один из ставленников Бирона Шемберг. Берг-регламент 1739 г. подтверждал право каждого, обнаружившего залежи полезных ископаемых, на их разработку; этот же документ разрешал приписку казенных крестьян к частным заводам и освобождал промышленников от пошлин на доставляемые к предприятиям продукты и припасы. Документы Кабинета свидетельствуют, что правительство осторожно подходило к запросам иностранных дельцов. Так, в 1733 г. прусскому предпринимателю фон Иттеру было отказано в передаче его компании казенных суконных фабрик в Москве и Казани, в 1739 г. министры не разрешили отдать «в содержание» англичанину Мееру ряд сибирских заводов.¹⁶⁰

Подготовленный Комиссией о коммерции во главе с Остерманом новый таможенный тариф 1731 г. отказался от крайностей петровской политики: снижал ввозные пошлины на импортные товары (до 20 % вместо 75 % по тарифу 1724 г.) и отменял запретительное обложение экспорта льняной пряжи. Тем самым он заставлял отечественных «фабриканов» конкурировать с заграничными производителями и восстанавливал традиционные статьи экспорта. В то же время для развития отечественного производства предусматривалась отмена пошлин на ввоз сырья и инструментов.¹⁶¹ Но этот рост достигался, как и в предыдущие времена, за счет увеличения доли подневольного труда: закон 1736 г. разрешал предпринимателям оставить в своем владении всех обученных ими, но свободных прежде рабочих.

Однако возвращение к политике Петра означало не столько защиту интересов собственно дворянства, сколько приоритет государственных потребностей. Царствование Анны стало новым этапом в ужесточении контроля над духовенством в виде ограничений на пострижение в монашество, увеличения государственных повинностей и подготовки в 1740 г. секуляризации церковных вотчин.¹⁶² В отношении дворянства предоставление льгот также сопровождалось увеличением служебных тягот. В 1734 г. Анна повелела сыскать всех годных к службе дворян и определить их в армию, на флот и в артиллерию; с началом большой войны в 1736 г. для явки «нетчиков» был определен срок 1 января и разрешено подавать доносы о не явившихся, даже от имени крепостных.

На службе такой дворянин не был уверен в «производении»: порядок получения нового чина не раз менялся; к тому же получить новый чин, отпуск или отставку влиятельному и обеспеченному офицеру было гораздо легче.¹⁶³ Но и дома его ожидали проблемы: вместе с восстановлением военных команд для сбора подушной подати был возобновлен и запрет помещикам переводить без разрешения крестьян в другое имение; помещики же стали и ответственными плательщиками за свои «души» и их недоимки. В неурожайные годы дворянам предписывалось снабжать крестьян семе-

нами и не допускать их ходить по миру. В 1738 г. власти даже официально осудили в одном из указов «всегдашнюю непрестанную работу» помещичьих крестьян, при которой они не могут исправно платить государственные подати.¹⁶⁴ Наконец, реализация права на отставку после 25 лет службы по закону 1736 г. была отложена до окончания турецкой войны.

В таких условиях недовольство «шляхетства» выказывалось в появлении на свет проектов и записок, иные из которых дошли до нас (в частности, в труде С.М.Соловьева). Среди бумаг московского губернатора Б.Г.Юсупова нами был обнаружен черновик еще одного такого документа, в котором его автор в конце царствования Анны выражал общие настроения «шляхетства». Юсупов писал, что манифест о 25-летнем сроке службы на деле не выполняется: после полученной отставки «ныне, как и прежде, раненые, больные, престарелые... рассмотрением Сената определяются к штатским делам». В результате «никто в покое не живет и чрез жизнь страдания, утеснения, обиды претерпевают». Автор был убежден: «Без отнятия покоя и без принуждения вечных служб с добрым порядком не токмо армия и штат наполнен быть может, но и внутреннее правление поправить не безнадежно», — т.к. получившим «покой» служилым «свой дом и деревни в неисчислимом богатстве привести возможно».¹⁶⁵

Наиболее известным фактом недовольства стало «дело» А.П.Волынского — последний большой политический процесс царствования Анны. Младший из «птенцов» Петра, Волынский сделал при Анне удачную карьеру под началом К.-Г.Левенвольде. В 1732 г. он стал генерал-лейтенантом, в 1736 г. — обер-егермейстером, в 1738 г. — кабинет-министром. Последнее удалось ему при поддержке Бирона, желавшего противопоставить Остерману достойного противника. Честолюбивый и энергичный Волынский не только стремился стать главной фигурой среди советников императрицы, но в то же время замечал «непорядки» и расстройство государственной машины. Вокруг него сложился кружок, где обсуждались многие из насущных проблем страны. Эти беседы подвинули министра на сочинение обширного проекта, который он сам на следствии называл «Рассуждением о приключаящихся вредах особе государя и обще всему государству и отчего происходили и происходят». Отдельные части проекта обсуждались в кружке и даже «публично читывались» в более широкой аудитории.

Сам проект до нас не дошел. Волынский доделывал и «переправлял» его вплоть до самого ареста, затем черновики сжег, а переписанную набедро часть отдал А.И.Ушакову — этот пакет сгинул в Тайной канцелярии. Но из обвинительного заключения и показаний самого Волынского можно составить некоторое представление о предполагавшихся им преобразованиях. Подозрительная императрица сразу велела спросить своего бывшего министра о памятных ей событиях 1730 г.: «Не сведом ли он от премены владенья, перва или после смерти государя Петра Второва, когда хотели самодержавство совсем отставить?»¹⁶⁶

Для подозрений были основания: в бумагах Волынского нашлись копии «кондиций» и многих из появившихся тогда проектов. Однако сравнение этих документов с предложениями опального министра показыва-

ет и существенную разницу между «оппозиционерами» 1740 и «конституционалистами» 1730 г. Вот, собственно, что Волынским предлагалось:

— расширить состав Сената и повысить его роль за счет перегруженного делами Кабинета; при этом упразднить пост генерал-прокурора, чтоб не чинить сенаторам «замешение»;

— назначать на все должности, в том числе и канцелярские, только дворян; на местах ввести несменяемых воевод;

— для дворян ввести винную монополию; для горожан — восстановить в городах магистраты; для духовенства — устроить академии, куда тоже желательно привлекать дворян;

— сократить армию до 60 полков с соответствующей экономией жалования на 180 тысяч рублей; устроить военные поселения — «слободы» на границах;

— сочинить «окладную книгу», сбалансировать доходы и расходы бюджета.¹⁶⁷

В отличие от прожектеров 1730 г., Волынский обходил проблему организации и прав верховной власти. Министр не сочувствовал ее ограничению и в 1730 г., а выступать с такими идеями в конце царствования Анны и подавно не собирался. Проект трудно назвать крамольным — скорее наоборот: он находился на столбовом пути развития внутренней политики послепетровской монархии. Сократить армию безуспешно пытался еще Верховный Тайный совет, попытки «одворянить» государственный аппарат (устройство дворян-«кадетов» при Сенате) и сбалансировать бюджет предпринимались при Анне вместе с заведением духовных семинарий; при Елизавете будет введена винная монополия и восстановлены магистраты.

План Волынского носил сугубо бюрократический характер; речь о выборном начале не заходила даже в тех случаях, когда предполагалось расширить права и привилегии «шляхетства». В этом смысле он находился в тех же рамках петровской системы, которые пытались несколько раздвинуть «шляхетство» в 1730 г. Но, похоже, аннинское десятилетие отучило ставить подобные вопросы даже просвещенных представителей кружка Волынского — архитектора П.М.Еропкина, моряков А.Ф.Хрущова и Ф.И.Соймонова, администратора П.И.Мусина-Пушкина. В этом, нам кажется, и состояла главная «заслуга» «бироновщины» перед российским самодержавием.

Возможно, здесь сказалась и смена поколений. В 20–30-е годы с политической сцены ушли последние крупные, самостоятельные фигуры старшего поколения петровских выдвиженцев: Меншиков, Бутурлин, Макаров, Шафиров, Апраксин, Брюс, Толстой, старшие братья Голицыны, В.Л. и В.В.Долгоруковы, Ягужинский; одни из них умерли или отошли от дел, другие пробились к вершине власти и столь же стремительно ушли в политическое небытие. Большинство из них не было теоретиками — но все они выросли в атмосфере петровской «перестройки» и были способны на решительные и дерзкие действия. К тому же практика реформ заставляла учиться или хотя бы иметь ученых помощников, подобно В.Н.Татищеву или Генриху Фику.

Новое поколение более или менее успешно осваивало европейский «политес» в иных условиях, когда надобности в реформаторах уже не было. Востребованы были служилые и верноподданные, а главной политической наукой стали придворные «конъектуры». Соперничавшие у трона «партии», включавшие как русских, так и немцев, боролись за милости с помощью назначений своих клиентов и разоблачений действий противников.¹⁶⁸

Памятный день 19 января ежегодно отмечался по особому ритуалу с выражением чувств в духе национальной традиции. Гостям во дворце надлежало пить «по большому бокалу с надписанием речи: «Кто ее величеству верен, тот сей бокал полон выпьет»». ¹⁶⁹ «Так как это единственный день в году, в который при дворе разрешено пить открыто и много, — посылал этот обычай Рондо в 1736 г., — на людей, пьющих умеренно, смотрят неблагосклонно; поэтому многие из русской знати, желая показать свое усердие, напились до того, что их пришлось удалить с глаз ее величества с помощью дворцового гренадера».¹⁷⁰

Кроме того, протекшие «дворские бури» оказали деморализующее влияние на дворянское общество. В новой атмосфере менялся и сам интеллектуальный уровень дискуссий. Просвещенные собеседники Волынского сенатор В.Я.Новосильцев и генерал-прокурор Н.Ю.Трубецкой дружно свидетельствовали, что политические разговоры с хозяином вращались вокруг одной темы: «х кому отмена и кто в милости» у императрицы, о ссорах Волынского с другими сановниками, о назначениях. Трубецкой с негодованием отверг саму возможность чтения им каких-либо книг; вот в молодости, при Петре, он «видал много и читывал, токмо о каковых материях, сказать того ныне за многопрошедшим временем возможности нет».

Новосильцев же покаялся и рассказал о своих политических преступлениях: «Будучи де при делах в Сенате и в других местах, взятки он, Новосильцев, брал сахар, кофе, рыбу, виноградное вино, а на сколько всего по цене им прибрано было, того ныне сметить ему не можно. А деньгами де и вещьми ни за что во взятки и в подарок он, Новосильцев, ни с кого не бирывал», — и далее перечислил «анкерок» вина, 2 лошадей, «зеленого сукна 4 аршина», серебряные позументы,¹⁷¹ которые «взятком» считать, с точки зрения сенатора, не стоило. В результате Анна поверила в политическую невинность обоих. Новосильцеву объявили выговор — но не за взятки, а как раз за чтение: с проектом Волынского знакомился, но вовремя не донес; а Трубецкого тут же сделали судьей по делу своего недавнего собеседника.

При таком подходе на первый план выходил не способ осуществления тех или иных преобразований, а то, чья «партия» будет в милости. Такие перестановки могли осуществиться либо путем интриг и «организации» соответствующего решения монарха, либо с помощью дворцового переворота. Планы Волынского так и были истолкованы следователями; тем более что дворецкий опального министра прямо обвинял своего хозяина в намерении «сделать свою партию и всех к себе преклонить; для того ласкал офицеров гвардии и хвастался знатностью своей фамилии, а кто не склонится, тех де убивать можно».¹⁷² Еропкин и Соймонов на пыт-

ке подтвердили показание холопа о намерении Волынского произвести переворот; о таких планах Волынского ходили разговоры и в среде дипломатического корпуса.¹⁷³ Но сам он, признавшийся во многих служебных проступках и взяточничестве, и после двух пыток категорически это отрицал: «Умысла, чтоб себя государем сделать, я подлинно не имел». Следствие так и не смогло ничего выяснить про возможный заговор; не были обнаружены и какие-либо связи Волынского с гвардией.¹⁷⁴

В итоге Анна повелела «более розысков не производить»; в обвинительном «изображении о преступлении» ничего не говорилось о якобы готовившемся захвате власти. Но именно эту ситуацию и провоцировал режим. При Петре I развитие самодержавия достигает вершины — дальше начинается неизбежный процесс установления «равновесия» интересов власти и ее социальной опоры в системе абсолютной монархии. Вопрос состоял в том, как и в каких формах этот процесс будет проходить. «Бироновщина» же «закрывала» для дворянства любую возможность легальных политических действий, но в то же время увеличивала на него давление в виде поголовной и постоянной службы или ответственности за недоимки.¹⁷⁵

К концу царствования назрела еще одна проблема. У Анны не было детей. Существует мнение, что младший из сыновей Бирона был на самом деле ее ребенком; но даже если это было и так, предьявить мальчика в качестве наследника было немыслимо. Старшая из сестер, мекленбургская герцогиня Екатерина, явно превосходила императрицу энергией и честолюбием, и Анна ее побаивалась. Младшая была замужем за подполковником гвардии и генерал-аншефом И.И.Дмитриевым-Мамоновым, который вместе с другими генералами подал в 1730 г. особый проект государственного устройства. Ему сулили стремительную карьеру при дворе, но 24 мая 1730 г. генерал внезапно упал с коня мертвым рядом с каретой императрицы. В дальнейшем около Прасковьи складывалась «факция» недовольных режимом; но только после смерти старшей сестры в 1733 г. Анна решилась прибегнуть к репрессиям: были арестованы и сосланы несколько лиц из окружения царевны, в том числе замечательный художник Иван Никитин.¹⁷⁶

К концу царствования обе сестры императрицы умерли; зато оставались цесаревна Елизавета и внук Петра I в Голштинии. Он были указаны как ближайшие наследники в завещании Екатерины I, и этот «виртуальный» документ (вроде бы существующий, но в то же время объявленный подложным) необходимо было лишить юридической силы. В декабре 1731 г. Анна восстановила петровский закон о престолонаследии: подданные вновь обязаны были присягать неизвестному наследнику, «который от ее императорского величества назначен будет». Таким образом, через 6 лет после смерти Петра I ситуация повторилась: сильная, но непопулярная власть не получила прочного юридического основания, и претензии на трон могли заявить различные претенденты.¹⁷⁷

Однако дело было не только в заговорах. Ни одно из известных нам следственных дел не содержит указаний о сколько-нибудь серьезных попытках захвата власти. Но все же режим, создавший достаточно устойчи-

вую «форму правления», в глазах многих подданных воспринимался «недостаточно» законным; или, точнее, сама идея смены монарха больше не казалась подданным немислимой, и они уже «дерзали» иметь свое мнение по этому поводу.

Сборник дел Тайной канцелярии под названием «О лицах, сужденных за поступки и слова, которые делались и произносились в умопомешательстве», показывает, что само это «умопомешательство» принимало какой-то отчетливо политический характер. Бывший кавалергард, майор Сергей Владыкин в 1733 г. написал императрице письмо, в котором называл ее «теткой», а себя «Божией милостью Петром Третьим»; просил разделить его майором гвардии и дать «полную мочу кому голову отсечь». Магази́н-вахтер Адмиралтейства князь Дмитрий Мещерский поведал, что офицеры уговаривали его поближе познакомиться с принцессой Елизаветой: «Она таких хватов любит — так будешь Гришка Рострига». Отставной профос Дмитрий Попрыгаев в 1736 г. отправил письмо прямо ... к князю Д.М.Голицыну с обещанием: «Великим монархом будешь!»¹⁷⁸ Вновь, как и раньше, появились претенденты-самозванцы «снизу», выдававшие себя за царевича Алексея и другого сына императора — Петра Петровича. Один из четырех «Алексеев», мелкий украинский шляхтич Иван Миницкий, даже сумел привлечь на свою сторону солдат расквартированного под Киевом полка и объявил поход на Петербург.¹⁷⁹

По-видимому, Анна-старшая хотела сделать наследницей свою племянницу, «благоверную государыню принцессу» Анну — дочь старшей сестры Екатерины и мекленбургского герцога Карла-Леопольда, но то ли не пожелала ей одиночества на троне, то ли опасалась продолжения «женского правления». В 1733 г. девочка приняла православие и сразу стала объектом пристального внимания дипломатов. С самого начала царствования обсуждались возможные брачные комбинации вокруг «самой завидной невесты в мире», как называл юную Анну английский резидент. В мужа ей предполагали сначала голштинского принца-епископа Любека; затем молодого маркграфа Бранденбургского. Маньян докладывал и о планах брака с прусским наследным принцем — будущим Фридрихом Великим.¹⁸⁰

Весной 1733 г. в Петербург прибыл сын герцога Фердинанда-Альбрехта II Брауншвейг-Бевернского принц Антон-Ульрих. Престижный жених из «старого дома» являлся одновременно двоюродным братом наследницы австрийского престола Марии-Терезии и шурином будущего прусского короля. Пока принц набирался военного опыта на полях сражений русско-турецкой войны, юная Анна постигала придворные науки; в 1736 г. ее тетка выслала гувернантку принцессы мадам Адеркас, а сам Бирон просил саксонский двор не присылать более в Россию своего посла графа Линара: «Принцесса была молода, а граф — красавец», — так прокомментировал эту придворную драму Рондо, внимательно наблюдая за положением наследницы русского престола.

Осенью 1738 г. Рондо отметил новый поворот в судьбе девушки. Он докладывал в Лондон, что, по его сведениям, герцог Курляндский намерен выдать принцессу за своего старшего сына Петра, а дочь — за принца

Антон с «отступным» в виде звания российского фельдмаршала. Таким образом, фаворит в точности повторил действия Меншикова и Долгоруковых; перед нами своеобразная закономерность борьбы за власть, буквально заставлявшей вступать в рискованную игру. Императрица старела, и герцогу необходимы были гарантии его положения и при новом царствовании, поскольку все, чего он добился при дворе, могло в одночасье рухнуть. Но действовал он осторожно: заручился поддержкой английского двора и добился от принцессы заявления, что брауншвейгский жених ей не нравится.¹⁸¹

Однако у императрицы уже не было времени ждать, пока Бирон-младший подрастет. Чтобы сохранить корону за старшей ветвью династии Романовых, племянница обязана была представить старевшей императрице наследника, ведь ее брак с иностранцем, не являвшимся российским подданным, делал ее собственное вступление на престол проблематичным. Поэтому в марте 1739 г. начались приготовления к ее свадьбе с принцем Антоном. Бирон же вынужден был уступить — или сумел проявить гибкость и сам отказался от попытки резко изменить расклад сил при дворе в свою пользу. Достигнутая путем уступок и репрессий политическая стабильность была обманчивой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Лефорт А.А.* История царствования государыни императрицы Екатерины II. М., 1837. Ч.1. С.80,100; *Полевой Н.А.* Столетие России с 1745 до 1845 г. СПб., 1845. Ч.1; *Троицкий С.М.* Историография «дворцовых переворотов» в России XVIII в. // *ВИ.* 1966. № 2. С.43.

² См.: *Карнович Е.П.* Значение бироновщины в русской истории // *ОЗ.* 1873. № 10. С.542,560,570-577; № 11. С.95,121-127; *Lipski A.* A Re-Examination of the «Dark Era» of Anna Ioannovna // *American Slavic and East European Review.* 1956. Vol.15. № 4. P.477-488; История СССР с древнейших времен. М., 1967. Т.3. С.266; *Анисимов Е.В.* Россия без Петра. СПб., 1994. С.424-479; *он же.* Россия при императрице Анне Иоанновне (проблема «бироновщины») // *A Window On Russia. Papers from the V International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia* (Gargano, 1994). Roma, 1996. P.51-56; *Dukes P.* The Making of Russian Absolutism. Lnd., 1982. P.107.

³ См., например: *Семенникова Л.И.* Россия в мировом сообществе цивилизаций. М., 1995. С.218; *Щенетов К.П.* Немцы — глазами русских. М., 1995. С.88-90; *Павленко Н.И.* Вокруг трона. М., 1999. С.549, 563; История России с начала XVIII до конца XIX в. /Под ред. А.Н.Сахарова. М., 1996. С.120; *Буганов В.И., Зырянов П.Н.* История России. Конец XVII — XIX век. М., 1997. С.45; Россия в мировой истории: Учебник для вузов /Под ред. В.С.Порохни. М., 2003. С.116.

⁴ Н.Н.Петрухинцев рассмотрел начальный период складывания этой системы и борьбу придворных группировок в 1730-1732 гг., что несколько сужает рамки исследования проблемы (см.: *Петрухинцев Н.Н.* Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота 1730-1735. СПб., 2001. С.46-66).

⁵ См.: *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: Формирование бюрократии. М., 1974. С.126. К сожалению, ссылка на этот документ в монографии Троицкого оказалась неверной. Его точно определил и датировал Н.Н.Петрухинцев (см.: *Петрухинцев Н.Н.* Указ. соч. С.43; РГАДА. Ф.16. Оп.1. № 225. Л.1).

⁶ Феофан радовался избавлению страны от «гражданского ада» аристократического правления; но все же он считал возможным привлечь дворянство к обсуждению важнейших задач и, таким образом, если не ограничить, то упорядочить самодержавное правление (см.: *Голицын Н.В.* Феофан Прокопович и воцарение императрицы Анны Иоанновны // *ВЕ.* 1907. № 4. С.525; *Cracraft Y.* The Succession Crisis of 1730: A View from the Inside // *Canadian-American Slavic Studies.* 1978. Vol.12, № 1. P.80-81).

⁷ См.: История правительствующего Сената за 200 лет. СПб., 1911. Т.1. С.552.

⁸ См.: Там же. С.558,634.

⁹ См.: *Веретенников В.И.* Проект уничтожения Сената в XVIII в. // Уч. зап. Харьковского ун-та. 1913. № 2. С.5-9.

¹⁰ В июле 1730 г. Лефорт докладывал о столкновении обер-гофмейстера С.А.Салтыкова и обер-камергера Бирона. В сентябре Рондо и Лефорт докладывали об объединении Бирона, Ягужинского

и Левенвольде в борьбе с Остерманом. Назначенный в октябре 1730 г. генерал-прокурором Сената Ягужинский поприбавило было стать чем-то вроде первого министра; но против него тут же объединились как Остерман, так и недавние союзники (см.: *Петрухинцев Н.Н.* Указ. соч. С.50-65; Письма о России в Испанию испанского посланника в России при императоре Петре II и в начале царствования Анны Иоанновны // Осмнадцатый век. М., 1869. Кн. III. С.63; Сб. РИО. Т.5. С.382; Т.66. С.233,240,469).

¹¹ Сводку материалов о биографии и деятельности А.М.Черкасского см. в незаконченной работе С.Д.Шереметева «Князь А.М.Черкасский и его дочь» (РГАДА. Ф.1287. Оп.1. № 4879).

¹² См.: Сб. РИО. Т.130. С.XXXV-XXXVII.

¹³ Подсчет обсуждаемых в Кабинете вопросов см.: *Бондаренко В.Н.* Очерки финансовой политики кабинета министров Анны Иоанновны. М., 1913. С.43.

¹⁴ См.: Сб. РИО. Т.81. С.LXXXV.

¹⁵ Подсчитано нами по: Высочайшие повеления по придворному ведомству (1723-1730 гг.). СПб., 1886. С.41-43,89-94. Расходы на дворцовый штат по подсчетам, сделанным в царствование Елизаветы, возросли с 90025 рублей в 1728 г. до 163308 рублей в 1739 г. (см.: РГАДА. Ф.14. Оп.1. № 55. Ч.1. Л.89).

¹⁶ См.: *Волков Н.Е.* Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. М., 2001. С.69-70.

¹⁷ См.: Описание высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. СПб., 1875. Т.2. С.236.

¹⁸ См.: *Волков Н.Е.* Указ. соч. С.40-41.

¹⁹ При этом собственно «немцев» при дворе Анны было не так много. Среди ее камер-юнкеров мы находим барона И.-А.Корфа, К.-Л.Менгдена и родственника Бирона — Трейдена; остальные их коллеги представляли известные русские фамилии: А.Пушкин, П.Чернышев, А.Головин, А.Татищев, Ф.Апраксин, И.Одоевский (см.: Высочайшие повеления по придворному ведомству (1701-1740). СПб., 1888. С.87-95).

²⁰ См.: Сб. РИО. Т.5. С.382; Т.66. С.191; Т.81. С.19,276-277.

²¹ См.: Там же. Т.5. С.451,465-466.

²² См.: Там же. Т.5. С.459,461,463,478; Т.66. С.482,497,551,574; Т.76. С.69 и далее.

²³ См.: Камер-фурьерский церемониальный журнал 1739 г. СПб., б.г. С.22,48,54.

²⁴ Сб. РИО. Т.81. С.301-302,532.

²⁵ См.: Там же. Т.66. С.574; Т.76. С.19-20,23,34,47,50,74,61,65,88-89,96,105,115,125,131-132,141,161,164,183,190,196,239-240,262,272,280,301,316,380,406; Т.80. С.17,87-88,241,253,416-417,459.

²⁶ См.: *Белов Е.А.* Отношения Фридриха II до вступления его на престол к русскому двору с 1737 по 1740 г. // ДИНР. 1875. № 8. С.377-380.

²⁷ Сб. РИО. Т.76. С.69-70.

²⁸ См.: Там же. Т.76. С.47,273-274; Т.80. С.493.

²⁹ См., например: *Пекарский П.П.* Новые известия о В.Н.Татищеве. СПб., 1864. С.32-33.

³⁰ См., например: РГАДА. Ф.19. Оп.1. № 12,30,32,33; Ф.20. Оп.1. № 80,113; Ф.9. Оп.5. № 31.

³¹ См.: Сб. РИО. Т.104. С.1; *Анисимов Е.В.* Россия без Петра. С.248-255.

³² См.: *Беспятых Ю.Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. СПб., 1997. С.161.

³³ Перевороты и войны /Христиан Манштейн. Бурхард Миних. Эрнст Миних. М., 1997. С.35-36.

³⁴ См.: РГАДА. Ф.9. Оп.5. № 31. Л.144-152.

³⁵ См.: Там же. Ф.11. Оп.1. № 360. Л.4-14.

³⁶ См.: Там же. № 515. Л.1-137.

³⁷ Сб. РИО. Т.33. С.475,501.

³⁸ См.: Там же. Т.104. С.298; Т.106. С.481; Т.111. С.513; Т.114. С.193.

³⁹ См.: Там же. Т.33. С.460.

⁴⁰ Цит. по: *Леврон Ж.* Секрет мадам де Помпадур. М., 1992. С.109,115.

⁴¹ См.: *Павленко Н.И.* Птенцы гнезда Петрова. М., 1994. С.315.

⁴² См.: РГАДА. Ф.16. Оп.1. № 105. Л.16.

⁴³ Счета ее «комнатных» сумм постоянно отмечают расходы на роскошную посуду и драгоценности, общая стоимость которых достигла 908230 рублей. Подсчитано нами по: РГАДА. Ф.19. Оп.1. № 182. Ч.1. Л.1-93. Помимо этих выплат из кабинетских сумм, Анна предписывала расплачиваться за «алмазные вещи» из прочих государственных доходов (см.: Сб. РИО. Т.106. С.579-580).

⁴⁴ См.: РГАДА. Ф.19. Оп.1. № 182. Ч.1. Л.27 и далее.

⁴⁵ См.: Там же. Ч.2. Л.2-7 об.

⁴⁶ См.: Высочайшие повеления по придворному ведомству (1701-1740). С.105-119.

⁴⁷ См.: *Ланцманис И.* Фрагменты жизненного пути Эрнста Иоганна Бирона в отражении исторических источников // Эрнст Иоганн Бирон, 1690-1990. Выставка в Рундальском дворце. Каталог. Б.м., 1992. С.19; *Овсянников Ю.М.* Франческо Бартоломео Растрелли. Л., 1982. С.50.

⁴⁸ РГАДА. Ф.2. Оп.1. № 50. Л.1.

⁴⁹ См.: Там же. Ф.19. Оп.1. № 182. Ч.1. Л.96.

⁵⁰ Подобные просьбы поступали также к другим вельможам, например, к С.А.Салтыкову. «Прошу, чтоб ево назначить прапорщиком, понеже он детина безпомощной и ежели быть ему

сержантом, то иметь не будет себе никакого заступления», — обращался в декабре 1730 г. с просьбой о производстве своего «детины» в гвардейском полку бригадир И.М.Волынский, одновременно хлопотавший и о чине генерал-майора для себя, и о «перемене чину» своему родственнику Артемию Волынскому. Салтыков, в свою очередь, просил только что назначенного вице-губернатора быстро и «безволжитно» решить интересовавшие его судебные дела (см.: РГАДА. Ф.1239. Оп.3. № 34750. Л.1 об.-2; Ф.6. Оп.1. № 219. Л.159 об.).

⁵¹ Перечисленные ниже кадровые назначения выявлены нами на основании законодательства Анны Иоанновны (см.: Описание высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. Т.2; РГАДА. Ф.16. Оп.1. № 3. Ч.1.). Перечень руководителей центральных учреждений в 30-х гг. XVIII в. см.: «Список о судьях и членах и прокурорах в коллегиях, канцеляриях, канторах и протчих местах» (РГАДА. Ф.248. Оп.17. № 1155. Л.542-577).

⁵² См.: РГАДА. Ф.11. Оп.1. № 477. Л.1-2. Заголовок дела XIX в. указывает, что список был составлен Остерманом для Бирона.

⁵³ См.: *Le Donne J.* Ruling Families in Russian Political Order in 1689-1725 // Cahiers du monde russe et soviétique. 1987. Vol.28. № 3-4. P.298.

⁵⁴ Французский резидент Маньян 26 декабря 1730 г. отправил в Париж копию донесения голландского дипломата-очевидца. Согласно этому тексту, на пути из Измайлова в Москву передняя карета, в которой находился князь М.М.Голицын, внезапно провалилась под землю, что явилось результатом искусно устроенного покушения (см.: Сб. РИО. Т.81. С.157-158). Однако сам Маньян в последующих депешах ни словом о нем не упоминал. Так же ничего не сообщают опубликованные донесения присутствовавших в Москве Лефорта и Рондо (см.: Сб. РИО. Т.66. С.265). Де Лириа в ноябре 1730 г. уже покинул Москву; голландские, австрийские и датские депеши за этот период не публиковались, так что пока трудно сказать, откуда появился подобный рассказ и насколько он соответствует действительности. Ничего не говорят об этом событии и современники-мемуаристы В.Нашокин и Манштейн; последующие биографы объясняют его смерть «душевной скорбью» (см.: *Сергиевский Е.Н.* Записки о роде князей Голицыных. СПб., 1853. С.232-233; *Бантиш-Каменский Д.Н.* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. М., 1991. Т.1. С.139).

⁵⁵ См.: *Российский М.А.* Очерк истории 3 пехотного Нарвского генерал-фельдмаршала М.М.Голицына полка. М., 1904. С.110; Сб. РИО. Т.104. С.96.

⁵⁶ См.: РГВИА. Ф.8. Оп.1/89. № 489. Л.1-10.

⁵⁷ См.: *Корсаков Д.А.* Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань, 1880. С.301.

⁵⁸ См.: *Павленко Н.И.* Птенцы гнезда Петрова. С.313.

⁵⁹ См.: РБС. Н. У., 1991. Т. Вавилов — Вельяминов. С.479-480.

⁶⁰ См.: *Корсаков Д.А.* Указ. соч. С.208.

⁶¹ В результате этого же дела младший из Голицыных — генерал-кригс-комиссар М.М.Голицын — был отправлен к строителям судов на Днепр, а глава Судного приказа А.Д.Голицын разжалован в прапорщики (см.: *Корсаков Д.А.* Суд над князем Д.М.Голицыным // ДИНР. 1879. № 10. С.61-62).

⁶² См.: Сб. РИО. Т.104. С.81,87; Т.106. С.334.

⁶³ См.: Сб. РИО. Т.104. С.106; Т.106. С.188. Позднее, судя по бумагам Тайной канцелярии, были посланы камер-сальмейстер А.Кайсаров с четырьмя чиновниками его конторы, а также ряд придворных служителей — гоф-юнкеров, мундшенков, тафельдекеров (см.: РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 5. Ч.2. Л.124 об.).

⁶⁴ См.: *Le Donne J.* The Evolution of the Governor's Office, 1727-1764 // Canadian-American Slavic Studies. 1978. Vol.12, № 1. P.90.

⁶⁵ РГАДА. Ф.286. Оп.1. № 112. Л.194.

⁶⁶ Воеводами в провинции стали В.Губарев, В.Лихарев, С.Хлопов, А.Плещеев, С.Телепнев, В.Вяземский, А.Киселев, И.Мещерский и другие участники «проекта 364» (см.: РГАДА. Ф.286. Оп.1. № 112. Л.214 и далее).

⁶⁷ См.: РГВИА. Ф.2583. Оп.1. № 154. Л.2 об., 53; № 164. Л.22.

⁶⁸ См.: Сб. РИО. Т.146. С.545; РГВИА. Ф.2583. Оп.1. № 148. Л.7 и далее; № 159. Л.158; Ф.2584. Оп.1. № 38. Л.33.

⁶⁹ См.: *Смирнов Ю.Н.* Особенности социального состава и комплектования русской гвардии в первой половине XVIII в. // Классы и сословия России в период абсолютизма. Куйбышев, 1989. С.89,91. Послужной список офицеров и солдат Преображенского полка 1733 г. показывает, что беспоместных обер-офицеров в полку уже не было, и даже у многих рядовых-дворян имелось по 20—30 душ. См.: РГВИА. Ф.2583. Оп.1. № 184).

⁷⁰ См.: *Зноско-Боровский Н.А.* История лейб-гвардии Измайловского полка. СПб., 1882. С.8. Списки состава см.: РГАДА. Ф.248. Оп.17. № 1088. Л.385 и далее.

⁷¹ См.: *Анненков И.В.* История лейб-гвардии Конного полка. СПб., 1849. С.4,15; Сб. РИО. Т.104. С.450. Списки состава см.: РГАДА. Ф.248. Оп.17. № 1088. Л.362-385; Ф.20. Оп.1. № 69. Л.3-46.

⁷² См.: *Ланцманис И.В.* История кавалергардов. 1724—1799—1899. По случаю столетнего юбилея Кавалергардского ее величества полка. СПб., 1899. Т.1. С.215-221.

⁷³ Подсчитано по: *Кирилов И.К.* Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. В современной России количество служащих не только не уменьшилось по сравнению с советскими временами, но даже увеличилось и составляет около 2 млн. чиновников только федерального уровня; к ним надо добавить должностных лиц на уровнях субъектов федерации и муниципальном. Данные эти никто не спешит обнародовать; к тому же отсутствуют и строгие критерии, кого следует считать государственным служащим. Поэтому только по весьма приблизительным оценкам специалистов можно говорить о наличии порядка 10 млн. служащих на 145 млн. населения. Таким образом, количество служащих на душу населения увеличилось с тех пор в 200 раз.

⁷⁴ См.: *Johnson H. Frederick the Great and his Officials.* New-Haven, 1975. P.288.

⁷⁵ См.: *Кузьмина В.Д.* Пародия в рукописной сатире и юмористике XVIII в. // Зап. Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В.И.Ленина. М., 1955. Вып.17. С.153-154.

⁷⁶ РГАДА. Ф.248. Оп.31. № 1965. Л.28-28 об.

⁷⁷ См.: Сб. РИО. Т.56. С.298-299; РГАДА. Ф.19. Оп.1. № 22. Л.12 об.-16 об.

⁷⁸ Доклады Матвеева о ревизии см: РГАДА. Ф.9. Оп.4. Ч.3. № 85. Л.1154,1170-1170 об.

⁷⁹ Цит. по: *Бочкарев В.* Первая сенаторская ревизия в России // Сб. Ярославского гос. ун-та. Ярославль, 1923. Вып.2. С.54.

⁸⁰ Цит. по: *Гурьянова Н.С.* Старообрядческие сочинения XVIII — начала XIX вв. о догмате немолния за государя в Федосеевском согласии // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С.76-77.

⁸¹ См.: РГАДА. Ф.248. Оп.15. № 826. Л.763-774.

⁸² См.: Сб. РИО. Т.106. С.581.

⁸³ См.: РГАДА. Ф.16. Оп.1. № 78. Л.4-8 и далее.

⁸⁴ Цит. по: *Николаев Н.Г.* Столетие фельдшерского корпуса. СПб., 1896. С.116.

⁸⁵ См.: *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С.38; *Бондаренко В.Н.* Указ. соч. С.102; *Строев В.Н.* Бироновщина и Кабинет министров. М., 1909. Т.1. С.59,67; *Каменский А.Б.* От Петра I к Павлу I. Реформы в России XVIII в.: опыт целостного анализа. М., 1999. С.251; *Петрухинцев Н.Н.* Внутриполитическая программа начала царствования Анны Иоанновны и правительственная политика по отношению к армии и флоту (1730-1735 гг.). Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 1990. С.12-13.

⁸⁶ В 1732 г. правительство в качестве меры борьбы с этим злом даже разрешило, «когда купечеству или шляхетству потребно для опасения от воровских людей, на казенных заводах продавать по вольным ценам» пушки (ПСЗ. Т.X. № 7366).

⁸⁷ См., например: История России с начала XVIII до конца XIX века /Под ред. А.Н.Сахарова. С.121.

⁸⁸ См.: РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 269. Ч.8. Л.18-19.

⁸⁹ См.: *Покровский Н.Н.* Правовое регулирование крестьянского общественного сознания русским абсолютистским государством // Социально-политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России. Воронеж, 1983. С.87-88.

⁹⁰ См.: РГАДА. Ф.1239. Оп.3. № 35293. Л.7 об.; № 51926. Л.8. Списки конфискованных имений с указанием причин см.: РГАДА. Ф.248. Оп.5. № 234. Л.599-604,896-913.

⁹¹ См.: *Черникова Т.В.* «Государево слово и дело» во времена Анны Иоанновны // ИСССР. 1989. № 5. С.157.

⁹² См.: РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 308. Л.2-76.

⁹³ Из 646 «дворянских» дел только в 8 осуждение «немцев» являлось основой для привлечения к ответственности (см.: *Черникова Т.В.* Политические процессы 30-х гг. XVIII в. в России. Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 1989. С.11-12).

⁹⁴ См.: РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 339. Л.1-42.

⁹⁵ См.: Там же. № 309. Л. 4об., 8,15,101-111,126,167,185.

⁹⁶ Одно из таких посланий обличало московских откупщиков, которые «похищают явно великой интерес» казны. Но автора письма волновали не только злоупотребления кабатчиков, но и само пьянство в связи с насаждением кабаков: «Наливают пожалы великие и пьют смертно; а других, которые не пьют, тех заставляют силно, и мнози во пьянстве своем проговариваютца, и к тем праздным словам приметьваютца приказныя и протчия чины» (РГАДА. Ф.16. Оп.1. № 183. Л.4-4 об).

⁹⁷ См.: Сб. РИО. Т.146. С.301.

⁹⁸ См.: *Троицкий С.М.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966. С.236; РГАДА. Ф.248. Оп.12. № 661. Л.68,71.

⁹⁹ См.: *Козлова Н.В.* Российский абсолютизм и купечество в XVIII в.: 20 — начало 60-х гг. М., 1999. С.93-94.

¹⁰⁰ См.: Сб. РИО. Т.104. С.413; Т.114. С.121,195; Т.146. С.519.

¹⁰¹ Московский генерал-губернатор Г.П.Чернышев оправдывал свое «слабое управление» прежде всего тем, что «секретари и подьячие лучшие разобраны, а именно, в Камер-коллегии и другие места взято сорок два»; новгородский вице-губернатор А.Ф.Бредихин прислал о срочной присылке в губернию не менее 100 «приказных служителей», поскольку имевшихся постоянно забирают «в разные команды» (Там же. Т.104. С.474; Т.117. С.602-603).

¹⁰² РГАДА. Ф.286. Оп.1. № 203. Л.546-546 об.

¹⁰³ Сб. РИО. Т.130. С.535.

¹⁰⁴ См.: *Семенова Л.Н.* Рабочие Петербурга в первой половине XVIII в. Л., 1974. С.134-135,143.

¹⁰⁵ См.: Сб. РИО. Т.130. С.610-612,687-690.

¹⁰⁶ Кабинет в снисхождении отказал (см.: Там же. Т.124. С.23).

¹⁰⁷ См.: Там же. Т.130. С.163,507-509,609,681.

¹⁰⁸ См.: РГАДА. Ф.248. Оп.113. № 56. Л.18,29,96,99.

¹⁰⁹ См.: Там же. Ф.16. Оп.1. № 20. Ч.1. Л.22.

¹¹⁰ См.: РГВИА. Ф.23. Оп.1/121. № 825. Л.3. Е.В.Анисимов оценивал сумму расходов на армию за 1724-1727 гг. в 17 млн. рублей; но из указанного выше документа, на который он ссылается, следует, что военное ведомство получило в эти годы только 4244663 рубля, что, конечно, тоже немало, учитывая мирное время (см.: *Анисимов Е.В.* Россия без Петра. С.104).

¹¹¹ Не смогли сенаторы собрать сведения и о земельных владениях свергнутого временщика в Вотчинной коллегии и у губернаторов — пришлось искать их в книгах самого Меншикова (см.: РГАДА. Ф.248. Оп.31. № 1973. Л.24-25).

¹¹² Там же. Ф.9. Оп.5. № 2. Ч.26. Л.100 об.

¹¹³ См.: Там же. Ф.273. Оп.10. № 34964. Л.328 об.,336; № 34804. Л.299-301.

¹¹⁴ Там же. Ф.19. Оп.1. № 7. Ч.4. Л.229 об.-235 об.

¹¹⁵ См.: ПСЗ. Т.IX. № 6412; Сб. РИО. Т.106. С.55.

¹¹⁶ См.: Там же. Т.104. С.410-411.

¹¹⁷ См.: РГАДА. Ф.19. Оп.1. № 11. Л.6.

¹¹⁸ См.: Сб. РИО. Т.146. С.73,80-81,91-92.

¹¹⁹ См.: Там же. Т.117. С.118,121,137-138,219-221.

¹²⁰ Правда, регламент Камер-коллегии 1731 г., наконец, освободил ее от непосильной задачи оценки экономической и юридической обоснованности налогов, предусмотренной прежним петровским регламентом 1719 г. (см.: *Балакин Д.В.* Финансовый аппарат России в конце XVII — первой половине XVIII в. (организационно-правовое строительство). Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 1998. С.20).

¹²¹ См.: ПСЗ. Т. IX. № 6872.

¹²² См.: *Троицкий С.М.* О дележе феодальной ренты между помещиками и государством // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961. С.130.

¹²³ См.: *Бондаренко В.Н.* Указ. соч. С.208. По ведомости Сената на 1739 г. недоимки по подушной подати составляли 2772209 рублей. Они постепенно «выбирались» и в условиях войны тут же отправлялись на «чрезвычайные воинские расходы»; но эти данные Сенат не смог представить «до свидетельства счетов» (РГАДА. Ф.248. Оп.17. № 1182. Л.1151 об.).

¹²⁴ См.: РГАДА. Ф.177. Оп.2. № 194. Л.240-251.

¹²⁵ См.: Сб. РИО. Т.138. С.286; Т.146. С.448.

¹²⁶ См.: *Бондаренко В.Н.* Указ. соч. С.299.

¹²⁷ См.: Сб. РИО. Т.106. С.110; РГАДА. Ф.248. Оп.5. № 229. Л.270-273 об.

¹²⁸ Сб. РИО. Т.104. С.414-415.

¹²⁹ См.: РГАДА. Ф.248. Оп.15. № 826. Л.710-766. Листы ведомости частично дефектны, цифры за 1727 г. подсчитаны нами.

¹³⁰ См.: *Соловьев С.М.* Соч. В 18-ти кн. М., 1993. Кн.X. С.465.

¹³¹ См.: *Сакоуич В.А.* Государственный контроль в России. СПб., 1898. Т.1. С.104-105.

¹³² См.: Сб. РИО. Т.117. С.573.

¹³³ См.: Там же. Т.114. С.79.

¹³⁴ Там же. Т.146. С.482-483.

¹³⁵ См.: РГВИА. Ф.21. Оп.1. № 7. Л.1-5.

¹³⁶ Сб. РИО. Т.146. С.245-246

¹³⁷ Там же. Т.117. С.51-52.

¹³⁸ См.: Там же. Т.130. С.118-119.

¹³⁹ См.: Там же. Т.126. С.192-193.

¹⁴⁰ См.: Там же. Т.146. С.108-109,347,432.

¹⁴¹ Там же. Т.146. С.445.

¹⁴² Там же. Т.130. С.681-683.

¹⁴³ См.: *Троицкий С.М.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. С.192-193.

¹⁴⁴ См.: Сб. РИО. Т.126. С.249.

¹⁴⁵ В свое время Е.П.Карнович отметил, что в русской армии эпохи Александра II немцев было куда больше, чем во времена «бироновщины». Не так давно Е.В.Анисимов подсчитал, что в царствование Анны даже наметилась обратная тенденция — к уменьшению количества иностранцев на генеральских постах в армии, которые составляли примерно 50 %, по сравнению с 57 % при господстве «старой русской партии» при Петре II (см.: *Карнович Е.П.* Значение бироновщины в русской истории // ОЗ. 1873. № 11. С.121; *Анисимов Е.В.* Россия без Петра. С.431). В «статской» службе соотношение было еще более впечатляющим. Составленный в 1740 г. «Список о судьях и членах и

прокурорах в коллегиях, канцеляриях, конторах и протчих местах» свидетельствует: на закате «биرونщины» из 215 ответственных чиновников центрального государственного аппарата «немцев» было всего 28 (по сравнению с 30 в 1722 г.). Если же брать на основании этого «Списка» сопоставимое соотношение по чинам I-IV класса, то на 39 русских приходилось всего 6 иностранцев, т.е. чуть больше 15% — намного меньше, чем в армии (см.: РГАДА. Ф.248. Оп.17. № 1155. Л.520-522 об., 542-577. Количество «немцев» в 1722 г. см.: РГАДА. Ф.248. Оп.14. № 768. Л.141-149).

¹⁴⁶ К сожалению, претендующие на раскрытие проблемы работы нередко ограничиваются общими рассуждениями о росте пьянства, разбоя и разврата (см. например: *Власов В.И., Гончаров Н.Ф.* Взгляд на причины преступности в России за тысячелетие. Домоделово. 1998. Вып.1. С.55-77).

¹⁴⁷ См.: *Петрухинцев Н.Н.* «А самых больших кораблей нам строить трудно...» // Родина. 1996. № 7-8. С.19; ПСЗ. Т.VIII. № 6035.

¹⁴⁸ См.: История СССР с древнейших времен. Т.3. С.347; *Масловский Д.Ф.* Записки по истории военного искусства в России. СПб., 1891. Вып.1. С.181-182; Очерки русской культуры XVIII в. М., 1987. Ч.2. С.208-209.

¹⁴⁹ См.: ПСЗ. Т.VIII. № 5864; Т.IX. № 6404, 6879.

¹⁵⁰ См.: *Мионов Б.Н.* Социальная структура городского населения России в 1737 г.: опыт реконструкции // Проблемы социально-экономической истории России. СПб., 1991. С.123.

¹⁵¹ См.: *Анисимов Е.В.* Россия при императрице Анне Иоанновне. P.55.

¹⁵² См.: Сб. РИО. Т.81. С.410,521-523; *Соловьев С.М.* Соч. Кн.Х. С.279-284.

¹⁵³ См.: ПСЗ. Т.IX. № 6512; Сб. РИО. Т.76. С.166.

¹⁵⁴ См.: АВПРИ. Ф.77. Оп.77/1. 1730 г. № 12. Л.10,203 об.-204.

¹⁵⁵ Фельдмаршал даже осмелился отказаться прекратить военные действия до ратификации мирного договора (см.: Сборник военно-исторических материалов. СПб., 1902. Т.13. С.225-226).

¹⁵⁶ См.: Россия и Черноморские проливы. М., 1999. С.47-48.

¹⁵⁷ С.М.Троицкий определял «чрезвычайные дачи» по Коллегии иностранных дел только за 1730-1734 гг. в размере 787 831 рубля (см.: *Троицкий С.М.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. С.233). Можно добавить, что при Анне стало традицией делать крупные подарки прибывавшим ко двору «чужестранным министрам» стоимостью от 2 до 6 тысяч рублей; только на эти выдачи ушло 83 тысяч рублей (подсчитано нами по: АВПРИ. Ф.2. Оп.2/6. № 3425. Л.1-3).

¹⁵⁸ Цит. по: *Аполлова Н.Г.* Присоединение Казахстана к России в 30-х гг. XVIII в. Алма-Ата, 1948. С.188.

¹⁵⁹ См.: *Павленко Н.И.* История металлургии в России XVIII в. М., 1962. С.462; *Kahan A.* The Plow, the Hammer and the Knout. An Economic History of Eighteenth Century Russia. Chicago, 1985. P.110,188.

¹⁶⁰ См.: Сб. РИО. Т.106. С.309; Т.130. С.629.

¹⁶¹ См.: *Козинцева Р.И.* От таможенного тарифа 1724 к тарифу 1731 г. // Вопросы генезиса капитализма в России. Л., 1960. С.189-216.

¹⁶² См.: *Мальшев М.Ю.* Сословная политика правительства Анны Иоанновны (дворянство, крестьянство, духовенство). Автореферат дисс. канд. ист. наук. Ижевск, 1997. С.21.

¹⁶³ См.: *Фаизова И.В.* «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999. С.57-74. Применялись и телесные наказания для дворян (см.: ПСЗ. Т.X. № 7503).

¹⁶⁴ См.: *Романович-Славянский А.В.* Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб., 1870. С.182-183,216,296,324.

¹⁶⁵ РГАДА. Ф.1290. Оп.2. № 32. Л.1-2 об.

¹⁶⁶ Исторические бумаги XVIII в. // Русская беседа. 1860. Ч.2. С.179.

¹⁶⁷ См.: *Готье Ю.В.* Проект о поправлении государственных дел А.П.Волынского // Дела и дни. 1922. № 3. С.23-27; РГАДА. Ф.6. Оп.1. № 200. Л.10; № 201. Л.7 об.,15; № 203. Л.3 об.,13 об.-14 об.; № 221. Л.17,19.

¹⁶⁸ Например, выступление обер-штер-кригс-комиссара Ф.И.Соймонова против адмирала Н.Ф.Головина, за спинами которых находились их «протекторы» (см.: *Гольденберг Л.А.* Федор Иванович Соймонов (1692-1780). М., 1966. С.82-92).

¹⁶⁹ Камер-фурьерский церемониальный журнал 1739 г. С.6.

¹⁷⁰ Сб. РИО. Т.76. С.479.

¹⁷¹ Показания Трубешкого и Новосильцева по делу А.П.Волынского см.: РГАДА. Ф.6. Оп.1. № 206. Л.2-14.

¹⁷² Там же. №199. Л.67 об.

¹⁷³ См.: *Корсаков Д.А.* А.П.Волынский и его «конфиденты» // РС. 1885. № 10. С.43,50-51; *Есупов Г.В.* Дешпи прусского посланника при русском дворе Акселя фон Мардефельда 1740 года // ДИНР. 1876. № 2. С.103-104.

¹⁷⁴ См.: *Корсаков Д.А.* Из жизни русских деятелей XVIII в. Казань, 1891. С.312.

¹⁷⁵ Исследование внутренней политики царствования Анны также приходит к выводу о ее «социальной конфликтности» в отношении прочих сословий (см.: *Мальшев М.Ю.* Указ. соч. С.24).

¹⁷⁶ См.: *Молеев Н.М.* Иван Никитин. М., 1972. С.187,213.

¹⁷⁷ У них имелись и сторонники. В 1734 г. бывший капитан гвардии, а затем полковник Ульян Шишкин заявил Ушакову, что Анну Иоанновну «изобрали погреша в сем пред Богом», и он призна-

ет «ныне императором Елисавет» как «прямой корень» Петра Великого. От слов своих бывший гвардеец не отказался, за что лишился головы (см. РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 395. Л.88 об.,97-97 об.).

¹⁷⁸ Там же. № 367. Ч.1. Л.114 об.-115,120,329,476.

¹⁷⁹ См.: *Троицкий С.М.* Самозванцы в России XVII-XVIII вв. // ВИ. 1969. № 3. С.140-141.

¹⁸⁰ Одновременно, как позднее признал на следствии Остерман, в узком кругу приближенных Анны Иоанновны обсуждался вопрос об устранении от наследия престола «петровской» линии, т.е. прежде всего Елизаветы, которую планировали выдать замуж «за отдаленного чужестранного принца» (см.: РГАДА. Ф.6. Оп.1. № 304. Л.13 об.). Вопрос так и не был решен, — очевидно, потому, что министры Анны ничего не могли сделать с «ребенком из Кия» — сыном Анны Петровны и голштинского герцога.

¹⁸¹ См.: Сб. РИО. Т.80. С.390,415-416. Впрочем, саксонский дипломат Пецольд передавал, что Бирон рекламировал мужские достоинства своего сына словами, «которые неловко повторить» (РГАДА. Ф.1292. Оп.1. № 95. Л.668 об.). Перипетии этой брачной истории см.: *Левин Л.И.* Российский генералиссимус герцог Антон Ульрих (история «брауншвейгского семейства» в России). СПб., 2000. С.50-51,60-67.